Ц 231/8

ЭБ

ИВФ2
9 И 231/8

О-III-2-6
1297
И 231/8
Ио
335.48
К-78

П. Н. Красновъ.

Борьба съ Китаемъ.

Популярный очеркъ столкновенія Россіи съ Китаемъ въ 1901 году.

Библиотека Академии Воздушного Флота имени проф. Н. Е. Жуковского № 2349
Моршанская городская общественная публичная библиотека № 2073

С.-Петербургъ.
Изданіе газеты „Русское Чтеніе"
1901.

Дозв. ценз. Спб. 14 Апрѣля 1901 г.

МОСКОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Ф18125-35

Тип. Исидора Гольдберга, Спб., Екатерининск. кан., 94.

Содержаніе.

		Стр.
I.	Наши сосѣди китайцы. Мятежники въ Китаѣ. . . .	1
II.	Осада посланниковъ въ Пекинѣ	10
III.	Адмиралъ Сеймуръ идетъ на выручку посланниковъ	16
IV.	Походъ 12-го Восточно Сибирскаго стрѣлковаго полка. Верхнеудинскіе развѣдчики.	19
V.	Наши матросы и стрѣлки берутъ штурмомъ Таку . .	26
VI.	На выручку Анисимова и Сеймура	37
VII.	Взятіе Тянь-Цзиня.	41
VIII.	Къ Пекину.	45
IX.	Штурмъ Пекина.	51
X.	Парадъ союзныхъ войскъ въ Пекинѣ	58
XI.	Прибытіе войскъ изъ Европейской Россіи. — Взятіе Бейтана	62
XII.	Окончаніе военныхъ дѣйствій подъ Пекиномъ . . .	69
XIII.	Боксеры нападаютъ на Манчжурскую жел. дорогу .	75
XIV.	Нападеніе на пароходъ „Михаилъ“	80
XV.	Осада Благовѣщенска	85
XVI.	Взятіе китайскаго города Айгуна	92
XVII.	Набѣгъ генерала Ренненкампфа	98
XVIII.	Освобожденіе желѣзной дороги отъ боксеровъ . . .	104
XIX.	Взятіе Мукдена	108
XX.	Движеніе партіи Валевскаго	113
XXI.	Заключеніе	117

I.

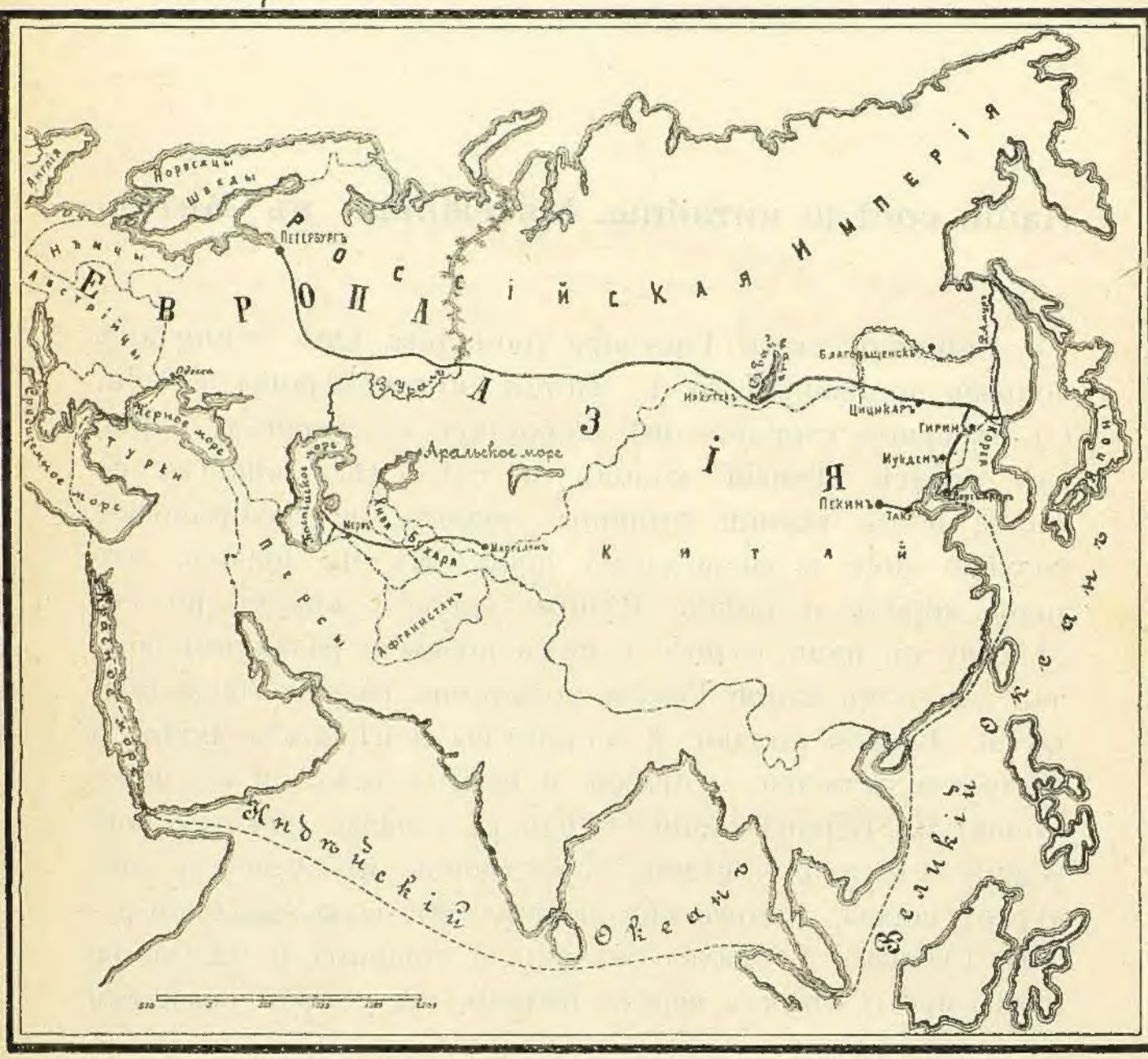
Наши сосѣди китайцы. Мятежники въ Китаѣ.

Земли русскаго Государя громадны. Онѣ занимаютъ большія половины двухъ частей свѣта: Европы и Азіи. Съ сѣверной стороны онѣ подходятъ къ ледяному морю, гдѣ стоитъ вѣчный холодъ и гдѣ снѣгъ никогда не таетъ, и съ южной стороны лежитъ не замерзающее голубое море и закавказскій край, гдѣ не знаютъ, что такое морозъ и снѣгъ. Разные народы живутъ по сосѣдству съ нами, разные у нихъ нравы и различные обычаи. Да и въ самой Россіи порядочно разнаго люда обитаетъ. Есть и поляки, и малороссы, и нѣмцы и чухны, и татары и калмыки, и армяне и персы—всѣхъ и не перечтешь. Въ Европѣ наши сосѣди съ сѣвера: шведы и норвежцы, съ запада: нѣмцы и австрійцы; въ Азіи съ юга: турки, персы, потомъ признающіе себя подъ высокой рукою Русскаго Государя бухарцы и хивинцы, и дальше на много-много тысячъ верстъ имѣемъ мы у себя сосѣдями китайцевъ.

Самые опасные наши сосѣди, на западѣ—да турки. Не разъ мы съ ними воевали. Поэтому на западной границѣ построено много крѣпостей и войска наши такъ поставлены, чтобы каждую минуту могли бы выступить въ походъ на западъ. Сѣверная граница наша на сушѣ невелика, а сѣверное море неприступно, поэтому и войскъ на сѣверѣ стоитъ немного, а на южной границѣ, въ Азіи, хотя и ве-

лика она—войскъ мы имѣемъ немного. Дѣло въ томъ, что съ китайцами мы всегда мирно и хорошо, по-сосѣдски, жили. Двѣсти лѣтъ мы съ ними не воевали, а и двѣсти-

Карта сосѣднихъ съ Россіей земель.



то лѣтъ тому назадъ война съ ними была совсѣмъ маленькая.

Отъ самого Китая мы отдѣлены большими горами и песчаными пустынями, а потомъ граница наша идетъ по рѣкамъ Аргуни, Амуру, Уссури и затѣмъ опять горами къ Японскому морю. Китайское государство очень боль-

шое. Населенія въ немъ въ четыре раза больше, чѣмъ въ Россіи—400 милліоновъ народа живетъ въ Китаѣ. Народъ живетъ густо, тѣсно, земли на всѣхъ не хватаетъ. Китайцы, живущіе ближе къ намъ, занимаются хлѣбопашествомъ и народъ мирный и трудолюбивый; дальше на югъ разводятъ чай и рисъ, сушатъ его и поставляютъ на весь міръ. Правитъ китайцами молодой Императоръ, или, какъ у нихъ называется, Богдыханъ, Гуангъ-Сю. Кромѣ того въ Китаѣ жива еще и Императрица, одна изъ женъ покойнаго Императора, мать Гуангъ-Сю. Богдыханъ правитъ Китаемъ самодержавно, собираетъ съ китайцевъ дань и строитъ на эти деньги дороги, проводитъ каналы и содержитъ войско. Войско китайское частью обучено на европейскій ладъ, по нѣмецкому уставу, нѣмецкими офицерами. Нѣмцы же продали китайцамъ пушки и новѣйшія магазинныя ружья*). Китайцы завели и у себя оружейные и патронные заводы, построили склады оружія, арсеналы и пороховые погреба.

Вѣруютъ китайцы во многихъ боговъ. Ставятъ имъ каменныя изображенія, строятъ кумирни и покланяются имъ. Есть между ними и обращенные, есть православные, лютеране и католики. Русскіе священники обращали китайцевъ въ православіе добрымъ словомъ. Разсказывали имъ про Христа и Его страданія, увѣщевали любить и вѣровать въ единаго Бога, поэтому китайцы любили русскихъ и смотрѣли на насъ, какъ на своихъ добрыхъ сосѣдей. Когда лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ китайцы воевали съ англичанами и французами, нашъ Государь помогъ имъ заключить миръ и не далъ китайцевъ въ обиду. Также пособилъ имъ Государь и пять лѣтъ тому назадъ, когда на нихъ напали японцы. За это китайцы охотно уступали намъ куски земли, нужные намъ, чтобы лучше устроиться въ новомъ краю, на Дальнемъ Востокѣ. Такъ передали

*) Магазинное ружье заряжается сразу нѣсколькими патронами. Наше ружье заряжается пачкой въ 5 патроновъ. У китайцевъ тоже были пятизарядныя ружья нѣмецкой и англійской работы.

они намъ земли по сѣверную, лѣвую сторону Амура и по правую сторону р. Уссури — тамъ образовались у насъ Амурская и Приморская области; въ 1897 году, когда намъ понадобилось соединить эти области съ серединой Россіи, съ Москвою и Сибирью, Китай разрѣшилъ вести желѣзную дорогу не кругомъ по Амуру, а напрямикъ черезъ китайскую землю—Манчжурію на города: Хайларъ, Цицикаръ, Харбинъ—до Владивостока. Понадобилась намъ въ Восточномъ океанѣ пристань, гдѣ бы и зимой и лѣтомъ могли стоять наши военные пароходы — и китайцы уступили намъ въ 1897 году кусочекъ земли въ Печелійскомъ заливѣ съ готовою пристанью—„Портъ-Артуръ“ и позволили повести и туда желѣзную дорогу черезъ города Сунгари, Тѣлинъ и Мукденъ.

Большіе безпорядки всегда были въ Китайской землѣ. Управители областей и губерній обижали народъ и судили неправильно, поэтому много было недовольныхъ въ Китаѣ, многіе пользовались плохимъ судомъ и немало разбойниковъ, или, какъ въ Китаѣ называется, хунгузовъ бродили по странѣ. Эти хунгузы могли нападать и на нашихъ инженеровъ и рабочихъ на желѣзной дорогѣ. Для охраны ихъ китайскій императоръ разрѣшилъ намъ держать свою желѣзнодорожную стражу на линіи. А чтобы присутствіе русскихъ солдатъ не обижало жителей Манчжуріи, охранной стражѣ дана форма, въ которой вмѣсто русскаго герба, двухглаваго орла, нашитъ гербъ Китая — драконъ. И прикладъ на мундирахъ и канты на шараварахъ положены желтые—любимаго китайскаго цвѣта. Охранная стража эта набирается по вольному найму изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ и казаковъ, съ платою въ мѣсяцъ рядовому 20 руб., унтеръ-офицеру 40 рублей и фельдфебелю 60 руб. Кромѣ того при поступленіи каждому выдается около ста рублей подъемныхъ денегъ *).

*) Теперь въ награду за отличную храбрость и распорядительность во время защиты желѣзной дороги отъ китайцевъ, охранной стражѣ даровано Государемъ Императоромъ такое же одѣяніе, какъ и у пограничной стражи, но съ разрѣшеніемъ Кубанскимъ и Терскимъ казакамъ сохранить ихъ родной костюмъ—черкеску.

Три года строится дорога и три года тихо и мирно обходились наши съ манчжурами и китайцами и никакихъ крупныхъ ссоръ не было. Также хорошо ладили мы съ китайцами и на Уссури и на Амурѣ и въ Портъ-Артурѣ. Начали и наши тамъ хорошо устраиваться. Вотъ какъ описываетъ Квантунскій полуостровъ, Портъ-Артуръ, одинъ нашъ солдатъ.

Портъ Артуръ.

„Полуостровъ—пишетъ онъ—незавидный. Мѣстность въ немъ — одни горы да камни. Горы есть порядочныя, около 100 саженъ вышины, и очень крутыя, почти недоступныя. Ровнаго мѣста совсѣмъ мало и земля глинистая, хлѣбъ на ней не родится: кукуруза, просо и какой-то другой породы — въ Россіи я не встрѣчалъ: стебель очень толстый, вышиною растетъ до 4 аршинъ—гаолянъ называется. Кромѣ этого нѣтъ ничего, потому что китайцы только его сѣютъ и даже очень его любятъ.

„Если будутъ жить русскіе, то навѣрно земля будетъ родить пшеницу. Благодаря колодцамъ въ волѣ недостатка нѣтъ; вода нездоровая, а все-таки некипяченую пить нельзя: очень животы болятъ.

„Климатъ здѣсь очень худой и нездоровый; лѣтомъ много мретъ народа. Зима у насъ очень короткая и снѣга очень мало: былъ на Рождество и вотъ на масляницу, а то все время сухо. Лѣто очень жаркое и бываютъ сильные вѣтра. Народъ населенъ здѣсь—одни китайцы. Племя ихъ желтокожее, но они смирны, очень смирны. Женщины ихъ изуродованы: какъ родится женскій полъ сейчасъ ноги связываютъ въ лубокъ и выходятъ ноги клиномъ, все равно, какъ у свиньи.

„Животныя у насъ находятся: лошадиной породы мулы и ослы; они очень удобны ходить по горамъ, такъ что вся работа происходитъ на ихъ спинѣ: и сѣно такъ возятъ и разную разность; такъ уже у нихъ приспособлено. Запрягаютъ они и коровъ вмѣстѣ съ мулами штукъ по шести въ телѣгу; овцы тоже есть хорошей породы—фунтовъ 20 въ хвостѣ. Птицы у насъ не очень много, потому что мало прѣсной воды, прилетаютъ онѣ къ намъ къ 21 ноября.

„Чай у насъ дешевъ: по 25 коп.; самый лучшій 70 коп. Мука пшеничная 7 коп. за фунтъ; приходитъ изъ Америки.

„Кромѣ хлѣба разный товаръ дорогъ; мануфактурное все дороже россійскаго, кромѣ шелковой матеріи, которую у насъ торгуютъ 80 коп. за 1 аршинъ, но шелкъ плохой, много хуже россійскаго. Лѣса у насъ очень мало, втрое дороже противъ россійскаго. Садовъ тоже очень мало и какой есть, то мы своими трудами его насадили; называется Царицынымъ садомъ. Кромѣ этого на нашемъ полуостровѣ нѣтъ ничего особеннаго“...

„Китайцы“, пишетъ солдатъ, „народъ смирный, очень смирный“. И этою смиренностью ихъ пользовались англичане и нѣмцы;- ихъ священники обращали китайцевъ си-

лой въ христіанство, и кто не хотѣлъ, того жестоко наказывали. Вмѣстѣ съ священниками англійскими ѣхали въ Китай и торгаши. Они везли съ собою опіумъ, пьяное ку-

Китаянка.

рево, учили китайцевъ курить его, одурманивали ихъ и обманывали.

И стали китайцы различать: — русскій — свой человѣкъ,

хорошій и европеецъ—худой человѣкъ. И не взлюбили они европейцевъ—англичанъ, французовъ и нѣмцевъ.

Въ Китаѣ существуетъ много разныхъ тайныхъ обществъ. Люди собираются вмѣстѣ, вмѣстѣ занимаются общимъ дѣломъ, устанавливаютъ какой-нибудь общій знакъ—вотъ и образуется общество. Въ прежнія времена въ Китаѣ такъ много было разбойниковъ, что для защиты отъ нихъ китайцы образовали громадное общество, получившее названіе „Большой Кулакъ". Члены этого общества занимались фехтованіемъ, учились владѣть оружіемъ, драться на кулакахъ -„боксомъ",—поэтому они и стали называться „боксерами".

Съ теченіемъ времени почти всѣ китайцы сдѣлались членами общества Большого Кулака, то есть боксерами. Стали тогда старшины боксеровъ подумывать, какъ бы имъ избавиться отъ другой бѣды, которая была похуже разбойниковъ -отъ европейцевъ. Европейцы везли опіумъ, спаивали имъ народъ, европейцы тянули деньги за все, силой заставляли китайцевъ измѣнять вѣрѣ отцовъ. И вотъ начались среди боксеровъ смуты. Стали они уговаривать народъ напасть на европейцевъ и въ одинъ махъ уничтожить „бѣлыхъ дьяволовъ", какъ называли они англичанъ, нѣмцевъ и французовъ.

И раньше они производили такія же смуты, но обыкновенно пожаръ мятежа вспыхивалъ гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ и не разгорался далеко. Опасности большой европейцамъ не бывало.

Въ прошломъ 1900 году обстоятельства помогли боксерамъ раздуть большой мятежъ.

Весна началась для китайцевъ при очень печальныхъ условіяхъ: послѣ сухой и безснѣжной зимы въ обычное для дождей время -не выпало ни одного дождя. Поля остались голыя—посѣвы не взошли. Напрасно китайцы молились о дождѣ своимъ богамъ -Истинный Богъ не услышалъ ихъ моленій и дождя не было. Начался голодъ, болѣзни и смерть. Боксеры воспользовались этимъ и стали

распускать въ народѣ слухи, что европейцы отравляютъ воду въ колодцахъ. Засуху и бездождіе они объясняли тѣмъ, что боги недовольны допускомъ европейцевъ въ Китай. Въ газетахъ и листкахъ, въ объявленіяхъ, расклеиваемыхъ по городамъ и селамъ, описывалось, какъ какой-то китайскій рабочій самъ видѣлъ, какъ европеецъ подошелъ къ колодцу и всыпалъ туда порошокъ. Народъ начиналъ волноваться, смущали войска китайскія пристать къ боксерамъ, боксеры колдовали своихъ сообщниковъ отъ пуль „бѣлыхъ дьяволовъ“ и тихій и смирный Китай становился хуже лютаго звѣря.

Улица посольствъ въ Пекинѣ.

II.

Осада посланниковъ въ Пекинѣ.

Изъ Россіи въ столицу Китая -Пекинъ можно добраться двумя путями: ѣхать моремъ изъ Одессы на Портъ-Артуръ, оттуда къ пристани у китайскаго города Таку и дальше по китайской желѣзной дорогѣ черезъ Тянь-Цзинь до самаго Пекина—всего ѣзды отъ 5 до 6 недѣль отъ Одессы. Или ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Сибирь, на города Омскъ, Иркутскъ, потомъ по рѣкѣ Амуру до Хабаровска, а отъ Хабаровска онять по желѣзной дорогѣ до Владивостока, а оттуда моремъ въ Таку. Ѣзды тоже около полутора мѣсяцевъ.

Для того, чтобы Царю удобно было переговариваться о дѣлахъ съ китайскимъ богдыханомъ онъ держитъ въ Пекинѣ своего довѣреннаго человѣка, и богдыханъ въ свою очередь послалъ своего довѣреннаго человѣка въ Петербургъ къ русскому Государю. Эти довѣренные люди называются посланниками. Каждое государство держитъ своихъ посланниковъ въ другихъ государствахъ. Такъ нашъ Царь имѣетъ посланниковъ и у нѣмцевъ, и у фран-

цузовъ, и у англичанъ, и у турокъ, словомъ у всѣхъ народовъ; имѣлъ онъ посланника г. Гирса и въ Пекинѣ.

Въ Пекинѣ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ жили и представители другихъ иностранныхъ державъ. Отъ нѣмцевъ былъ присланъ баронъ Кеттелеръ, отъ французовъ Пишонъ, отъ англичанъ Макдональдъ, отъ американцевъ Конджеръ, были еще посланники отъ австрійцевъ, итальянцевъ, японцевъ и испанцевъ. Всѣ посланники жили вмѣстѣ, въ одномъ кварталѣ, окруженномъ высокими стѣнами. Тамъ же помѣщался Русскій банкъ, англійская таможня и клубъ. Между домами проходила посольская улица— очень широкая, пыльная лѣтомъ и страшно грязная зимою и осенью. На этой улицѣ постоянно толпятся китайцы разнаго званія. Тутъ идетъ вѣчный торгъ, бродятъ нищіе, и то тутъ, то тамъ можно видѣть гніющую падаль. Сколько ни просили посланники у богдыхана разрѣшенія вымостить эту улицу богдыханъ этого не разрѣшилъ.

Всѣ дома посланниковъ каменные, одноэтажные и окружены каменными же стѣнами. Китайцы не позволяютъ строить дома болѣе чѣмъ въ одинъ этажъ, чтобы, говорятъ они, не мѣшать добрымъ духамъ летать надъ городомъ.

Слухи о волненіяхъ въ народѣ, возбуждаемомъ боксерами заставили нашего посланника Гирса озаботиться средствами защиты. Раньше при немъ находился лишь взводъ казаковъ, составлявшій его почетную стражу. Въ началѣ мая онъ просилъ, чтобы на всякій случай стража его была усилена. Къ нему отправили небольшую команду въ семьдесятъ пять человѣкъ матросовъ подъ начальствомъ лейтенанта Радена при двухъ офицерахъ. Команда эта прибыла въ Пекинъ 18-го мая. Къ этому же времени пришли туда отряды французовъ, австрійцевъ, нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ, японцевъ и американцевъ—всего набралось 428 человѣкъ.

А волненіе росло не по днямъ а, по часамъ.

25 мая боксеры сожгли православную церковь въ де-

ревнѣ Цунтинань, недалеко отъ Пекина. Во всѣхъ городахъ поднимались боксеры, большія силы войскъ шли къ Пекину и никто не зналъ, зачѣмъ они шли —помогать боксерамъ уничтожить европейцевъ, или вступиться за посланниковъ и защитить ихъ отъ мятежниковъ?

До конца мая посланники могли подавать о себѣ вѣсти въ Европу, въ свои государства, но въ концѣ мая боксеры порвали телеграфную проволоку, соединявшую Пекинъ съ портомъ Таку, и начали уничтожать желѣзную дорогу между Пекиномъ и Тянь-Цзинемъ. Положеніе посланниковъ становилось весьма тяжелымъ.

Всѣми ихъ дѣлами вѣдало китайское учрежденіе, называемое Цзунгъ-ли-Ямень. —Тамъ сидѣли китайцы, которые должны были помогать посланникамъ въ случаѣ нужды. Посланники обратились за помощью въ Цзунгъ-ли-Ямень—но китайцы предложили посланникамъ уѣхать изъ Пекина. Посланники не могли покинуть своего поста, на который они были поставлены своими Государями, да и уѣхать было нельзя: Пекинъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ боксерами. Мятежники стали появляться и на Посольской улицѣ. Въ красныхъ колпакахъ, опоясанные красными шарфами, вооруженные копьями и саблями они бѣгали по улицѣ, возбуждая китайцевъ противъ „бѣлыхъ дьяволовъ".

А въ посольствахъ было тихо. Молча работали наши матросы, возводя укрѣленія вдоль стѣнъ. Улицу загромоздили разнымъ домашнимъ скарбомъ, телѣгами и хламомъ и здѣсь занимали караулы.

Каждый день прислушивались въ посольскихъ домахъ.

— Не слыхать ли выстрѣловъ, не идетъ ли подмога?

Но подмоги не было.

На улицахъ Пекина началась между тѣмъ рѣзня. Боксеры убивали христіанъ китайцевъ. Отряды посланнической стражи ходили отбивать ихъ. Такъ лейтенантъ Раденъ въ концѣ мая освободилъ болѣе 300 китайцевъ хри-

стіанъ. Стража раздѣлила посольскій кварталъ на участки и день и ночь стерегла ихъ.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ. Подмога не приходила. Въ началѣ іюня нѣмецкіе матросы убили одного боксера, слишкомъ близко подошедшаго къ домамъ посланниковъ. Вся толпа съ криками „ша! ша!“ т. е., убивайте! убивайте!“ кинулась къ посольскимъ домамъ, но напасть не

...„Боксеры начали уничтожать желѣзную дорогу между Пекиномъ и Тянь-Цзинемъ“.

посмѣла и отбѣжала назадъ. Начались угрозы. 6-го іюня пришелъ къ посланникамъ китаецъ, приглашавшій ихъ на засѣданіе въ Цзунгъ-ли-Яменъ. Подозрѣвая засаду, посланники рѣшили не идти, но нѣмецкій посланникъ Кеттелеръ поѣхалъ одинъ съ переводчикомъ и слугами. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ слуги прискакали обратно, привезли раненаго переводчика и сказали, что Кеттелеръ убитъ боксерами на улицѣ. Нѣмецкіе матросы

бросились искать его трупъ, но побоялись, что ихъ окружатъ, и вернулись ни съ чѣмъ.

Съ этого дня боксеры начали ежедневно атаковывать дома посланниковъ. Мѣткіе залпы нашихъ матросовъ не допускали ихъ овладѣть стѣною. Съ половины іюня боксеры захватили въ свои руки стѣну Императорскаго города, которая лежала рядомъ, и стали съ нея стрѣлять

Зданіе Цзунгъ-ли-Ямена въ Пекинѣ.

изъ пушекъ и ружей по посольскимъ дворамъ. Положеніе становилось отчаяннымъ. То тутъ, то тамъ вспыхивалъ пожаръ. Тушили всѣ. Посланники, генералы, матросы и казаки становились въ общую линію и передавали другъ другу ведра. Французское посольство было взорвано боксерами и всѣ скучились въ самомъ прочномъ и самомъ надежномъ зданіи англійскаго посольства. Жены и дѣти посланниковъ и служащихъ страдали вмѣстѣ съ мужьями и отцами. Имъ были отданы комнаты, а мужчины помѣстились въ корридорахъ и подъ навѣсами.

По счастью, китайцы стрѣляли плохо, а то они всѣхъ могли бы перебить. Они были такъ близко, что могли стрѣлять на выборъ. Но и такъ дня не проходило, чтобы не было убитыхъ или раненыхъ. Братское кладбище на дворѣ посольствъ увеличивалось день ото дня.

Но матросы и казаки, прислуга посланниковъ, сами посланники, даже ихъ жены и дѣти не унывали и не отчаивались. Женщины шили мѣшки, которые насыпались землей и пескомъ и изъ которыхъ складывали валы для защиты отъ пуль, а мущины день и ночь занимали позицію, дѣлая по временамъ вылазки, чтобы обуздать зарвавшихся боксеровъ.

Отъ тѣснаго помѣщенія начались болѣзни. Люди стали умирать. Ѣсть было нечего. Стали рѣзать лошадей и питаться кониной, да скудными запасами риса и ячменнаго хлѣба.

Такъ прошелъ іюнь, наступилъ іюль. Нападенія боксеровъ на дома посланниковъ, вдругъ прекращались, Цзунтьли-Яменъ присылалъ людей, которые успокаивали, говорили, что скоро мятежъ прекратится и посланники будутъ свободны... Но на другой же день начиналась новая пальба и дерзкія атаки. Вѣрить никому уже было нельзя. Самые ужасные слухи доносились изъ Пекина. Никто не зналъ, жива ли Императрица, живъ ли Богдыханъ. Въ Пекинѣ полновластно правилъ принцъ Туанъ, свирѣпый человѣкъ, ненавидѣвшій европейцевъ.

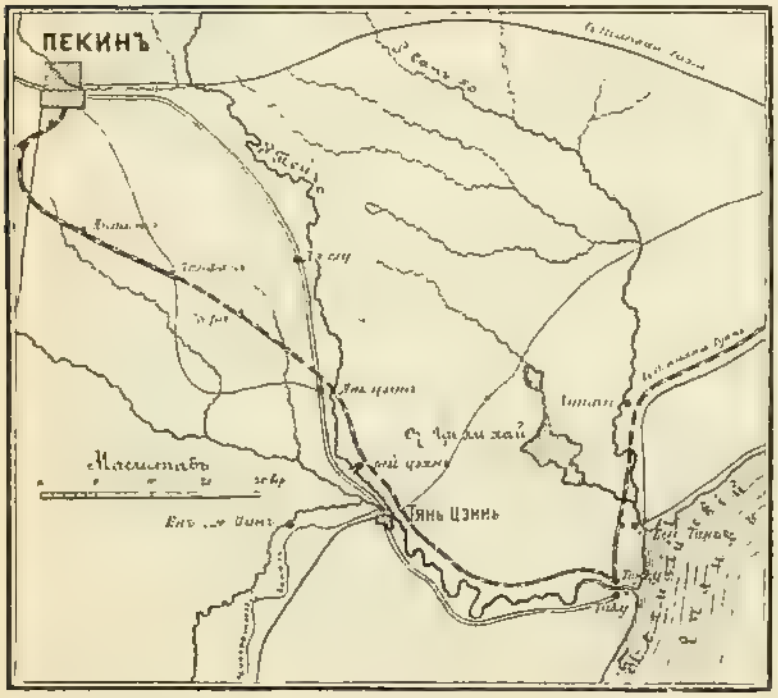
Ряды защитниковъ посольствъ замѣтно уменьшались. Запасы продовольствія изсякали. Впереди была голодная смерть, или сдача... Сдача на вѣрную смерть, на растерзаніе озвѣрѣлой толпы...

Каждый день молились на посольскомъ дворѣ, ожидая помощи. Она шла,—это посланники знали отъ плѣнныхъ боксеровъ,—но видно, что-либо ее задержало... Или она не въ силахъ была пробиться сквозь многотысячныя толпы боксеровъ и бунтовавшихъ китайскихъ войскъ?...

Гдѣ же была эта подмога?

III.

Адмиралъ Сеймуръ идетъ на выручку посланниковъ.



Печелійская округа между Таку и Пекиномъ.

Слухи о мятежѣ Большого Кулака быстро достигли до Россіи и начальникъ Квантунскаго полуострова морской генералъ, адмиралъ Алексѣевъ отправилъ въ Пекинъ роту матросовъ съ военнаго парохода „Россіи“ подъ командой капитана 2-го ранга Чагина. Эта рота быстро погрузилась въ Портъ Артурѣ и 27-го мая совершенно благополучно высадилась въ китайскомъ городѣ Таку.

Желѣзная дорога между Таку и Пекиномъ оказалась въ полномъ порядкѣ. Слышно было, что толпы боксеровъ собираются вокругъ нея, что Пекинъ уже окруженъ мятежными китайцами, но сколько тамъ было войска—этого въ точности никто не зналъ.—„Много“ -говорили китайцы,—а сколько „много“ никто не указывалъ. Въ Таку Чагинъ узналъ, что днемъ раньше въ Пекинъ проѣхали англичане, нѣмцы и французы всего около 2000 человѣкъ

подъ общимъ начальствомъ англійскаго генерала Сеймура. Подъ его же команду было приказано поступить и нашимъ матросамъ. 29 мая Чагинъ со своимъ отрядомъ прибылъ въ большой торговый китайскій городъ Тянь-Цзинь и здѣсь узналъ, что Сеймуръ прошелъ дальше къ Пекину и что боксеры начали разрушать желѣзную дорогу между Пекиномъ и Тянь-Цзинемъ. Чагинъ продолжалъ свой путь и въ тотъ же день догналъ иностранный отрядъ у станціи Лофа. Дальше желѣзнодорожнаго пути уже не было. Наши матросы, англичане и нѣмцы взялись за топоры и лопаты и стали чинить путь, медленно подаваясь впередъ, къ Пекину. Работа была нелегкая. Рельсы были сняты, шпалы сожжены и сколько глазъ хваталъ вмѣсто обыкновеннаго желѣзнодорожнаго полотна видна была простая проѣзжая дорога. Боксеры появлялись со всѣхъ сторонъ и пробовали нападать на маленькій отрядъ, подъ огнемъ работавшій на общую пользу. Такимъ образомъ съ неимовѣрными трудами отрядъ Сеймура дошелъ до станціи Ло-Фангъ. Недалеко было и до Пекина. Но тутъ впереди, сколько глазъ хваталъ, видны были громадныя полчища боксеровъ. Всюду развѣвались пестрыя знамена съ надписями, сверкали сабли... Показались и пушки. 2-го іюня боксеры кольцомъ окружили отрядъ Сеймура и напали на англичанъ, бывшихъ позади. Пропали бы англичане, да наши бросились на выручку, разсыпали цѣпи и прогнали китайцевъ. Три дня держался Сеймуръ у Ло-Фанга, отбиваясь отъ частыхъ нападеній боксеровъ, на третій день, 5-го іюня, на насъ пошли обученныя китайскія войска. Сорокъ тысячъ пошло на 2000, одинъ европеецъ боролся противъ 20 китайцевъ и какъ ни стойко держались наши матросы, какъ ни обидно было отступать, англійскій генералъ приказалъ идти назадъ берегомъ рѣки Пей-хо. Вся желѣзная дорога уже была въ рукахъ у китайцевъ. Сеймуръ былъ окруженъ. Провіанта было мало. Люди дрались цѣлый день безъ ѣды и безъ питья и лишь ночью подкрѣпляли свои силы сухарями да соленой водой. 10-го іюня

съ боя взяли мѣстечко Сигу, гдѣ нашли много ружей и патроновъ. Это было какъ разъ во время. Своихъ патроновъ уже не хватало. Китайцы пошли по пятамъ Сеймура бросились на Сигу, но были отбиты. Они повторили атаку и снова были отброшены нашими матросами и мѣстечко осталось за нами.

Но силы отряда таяли. Изъ двухъ тысячъ человѣкъ было убито 56 и ранено 257. Изъ нашей морской роты въ 312 человѣкъ 10 матросовъ нашли славную смерть въ неравномъ бою, почти всѣ офицеры были ранены, ранено было также 22 матроса. Держаться далѣе было невозможно, отступить некуда: кругомъ были боксеры. Нужно было ожидать помощи. Въ эти тяжелыя для англійскаго генерала минуты къ нему подоспѣли на помощь русскіе стрѣлки...

IV.

Походъ 12-го Восточно Сибирскаго стрѣлковаго полка. Верхнеудинскіе развѣдчики.

Полковникъ Анисимовъ.

Пославши 312 человѣкъ съ парохода „Россіи“ адмиралъ Алексѣевъ не успокоился. Правда Гирсъ обѣщалъ телеграммой увѣдомить, когда будетъ пора присылать военную помощь, но Пекинъ по слухамъ окруженъ боксерами и, можетъ быть, Гирсъ и радъ бы былъ послать вѣсточку о себѣ въ Портъ-Артуръ, да не можетъ этого сдѣлать. Вотъ почему адмиралъ Алексѣевъ слѣдомъ за посылкой моряковъ приказалъ полковнику Анисимову вмѣстѣ съ батальономъ 12 Восточно-Сибирскаго полка быть готовымъ къ походу въ Таку.

Бодро и весело собирались стрѣлки на войну.

„Что, братъ“, говорилъ молодой весельчакъ солдатъ торговцу китайцу—„воевать съ тобой будемъ. Да, братъ, придется... пуфъ... и такъ вотъ“... и онъ показывалъ китайцу, какъ стрѣляютъ, колютъ штыкомъ и рубятъ шашкою.

Но китаецъ не хочетъ воевать со своими друзьями, русскими, среди которыхъ ему такъ хорошо.

— „А... а“...,—улыбаясь тянетъ онъ и прицокиваетъ.

— „Неча любить то, вотъ какъ доберемся... Придется, хотя нечего больше съ вами дѣлать... какъ драться".

—„А! Зачѣмъ"?—трусливо говоритъ китаецъ.—„Нѣ... нѣ,—мы торговать, а война—нѣ"...

Другой солдатъ заступается за китайца.

„Ну, что ты къ нему пристадъ... Экъ нашелъ воина...

Онъ кромѣ чоховъ (рублей) ничего не понимаетъ... Много къ намъ приходитъ такихъ-то, а страженіевъ всѣ они боятся, какъ чортъ ладана!

И онъ уводитъ товарища къ пристани, гдѣ кипитъ нагрузка на пароходъ.

Въ 6 часовъ утра, 29 мая отрядъ полковника Анисимова началъ грузиться въ Портъ-Артурѣ на военный пароходъ „Дмитрій Донской"; 2 орудія были быстро подняты на судно, за ними погрузилась 6 сотня Верхнеудинскаго казачьяго полка, саперы и батальонъ 12 полка. Въ полдень погрузка уже была окончена и отрядъ поплылъ въ Таку. 30 мая нашъ отрядъ безъ всякихъ приключеній выгрузился на китайскомъ берегу, былъ посаженъ на поѣздъ и въ 1 часъ ночи прибылъ въ городъ Тянь-Цзинь. Да и пора было прибыть. Въ самомъ Тянь-Цзинѣ уже появились боксеры, а бѣжавшіе изъ разныхъ мѣстъ иностранцы приносили невеселыя извѣстія: отрядъ Сеймура окруженъ, громадныя толпы китайцевъ спѣшатъ къ Тянь-Цзиню.

Безъ суеты произошла разгрузка. Роты построились, взяли на караулъ и при свѣтѣ мѣсяца чуть колышимое легкимъ вѣтромъ было вынесено молодое знамя, которому черезъ нѣсколько дней суждено было покрыться громкой славой побѣдъ стрѣлковъ.

Роты зашли по отдѣленіямъ. Раздалась команда, сверкнули штыки ружей, взятыхъ на плечо, загремѣла музыка и стрѣлки потянулись по улицамъ. И весело становилось на душѣ у русскихъ и иностранцевъ, жившихъ въ Тянь-Цзинѣ. „Слава Богу, думалъ каждый,—пришла къ намъ подмога!"...

И во-время.

На разсвѣтѣ 3-го іюня загорѣлись дома рядомъ съ лавками французскихъ купцовъ. Туда поскакали казаки.

Вице-Адмиралъ Е. И. Алексѣевъ.

Среди пылающихъ домовъ видны были китайцы съ факелами въ рукахъ, поджигавшіе дома и сараи. Казаки спѣшились и двумя залпами прогнали поджигателей. Сгорѣло нѣсколько домовъ и христіанскихъ церквей и языческій китайскій храмъ. Пожаръ утихъ. Казаки поѣхали домой.

Но не успѣли они вернуться къ мѣсту своей стоянки, какъ отъ нѣмцевъ прибѣжали люди съ извѣстіемъ, что большія толпы боксеровъ обходятъ нѣмецкіе магазины, и просили казаковъ выручить ихъ.

— „Хорошо"!—проговорилъ командиръ сотни есаулъ Ловцовъ—„сотня за мной! въ карьеръ!"..

Казаки вылетѣли за городъ и разсыпались маленькими кучками въ любимомъ своемъ строю—лавѣ. Здѣсь каждому было дѣло и каждый нацѣлилъ себѣ китаица.

Но едва только мощный казачій гикъ вырвался изъ казачьихъ грудей, едва сверкнули на солнцѣ страшныя шики, какъ боксеры, какъ мыши въ норы, попрятались по деревнямъ. Казаки поѣхали обратно въ городъ. Днемъ и вечеромъ все было спокойно, но не на долго.

4-го іюня подъ Тянь-Цзиномъ и въ китайской части города появились регулярныя, обученныя китайскія войска и загремѣла по городу пальба изъ пушекъ.

Отрядъ полковника Анисимова, забравши всѣхъ европейцевъ укрѣпился у желѣзнодорожной станціи и, занявъ часть домовъ иностранцевъ, рѣшилъ держаться до послѣдняго человѣка, а занятаго ими уголка Тянь-Цзиня китайцамъ не сдавать.

5-го іюня началась бомбардировка вокзала. Свистъ пуль и вой ядеръ слились въ непрерывный гулъ, то и дѣло кого-нибудь задѣвало, раздавался суровый крикъ „носилки", но 4-ая рота 12-го баталіона не сдавала и крѣпко обороняла вокзалъ. По счастью китайцы, стрѣляли на спѣхъ, приставляя ружья прикладомъ къ животу и цѣлясь вверхъ. Большинство ихъ пуль перелетало. Но потери тѣмъ не менѣе были велики. И несмотря на этотъ страшный огонь 4-ая рота съ разсвѣта до $3^1/_2$ часовъ дня не покидала своей позиціи. Около четырехъ часовъ дня подошелъ съ остальными четырьмя ротами полковникъ Анисимовъ и приказалъ сдѣлать общую атаку. Китайцы, увидя поднявшіяся цѣпи, участили огонь. Но наши шли, какъ на ученьи, и китайцы бѣжали... Первый день боя былъ

конченъ... Командиръ 4-й роты, капитанъ Мешабенскій былъ раненъ; свалились отъ ранъ и славные офицеры 12-го полка шт.-капитанъ Котиковъ, поручики Поповъ и Поповскій и подпоручикъ Макаровъ. Не мало легло на полѣ чести и стрѣлковъ.

Раненыхъ несли на вокзалъ, гдѣ подъ огнемъ ихъ перевязывали врачи и одна французская женщина госпожа Люси Пюи-Мутрейль, пришедшая на русскій бивуакъ и, какъ сестра милосердія, помогавшая фельдшерамъ и санитарамъ. Въ первый же день она перевязала 70 раненыхъ и дѣлала это такъ искусно, что старшій врачъ просилъ ее остаться при госпиталѣ.

Недолго отдыхали стрѣлки послѣ славнаго дѣла 5-го іюня. На утро 6-го пальба изъ пушекъ возобновилась. На этотъ разъ снаряды начали падать все удачнѣе и удачнѣе. Они будто слѣдили за передвиженіями нашихъ ротъ, всегда попадая туда, гдѣ было больше народу. По счастью, Богъ не обидѣлъ разумомъ нашихъ славныхъ стрѣлковъ. Рядовой 4-й роты Науменко замѣтилъ, что послѣ каждаго попавшаго снаряда на телефонной станціи раздавался звонокъ и китайскій чиновникъ, притворившійся христіаниномъ и оставшійся на станціи, что-то, говорилъ по-китайски въ телефонъ. Живо смекнулъ Науменко въ чемъ дѣло.

— „Ахъ, они сволочи!—это они на свою батарею звонятъ, предатели окаянные!—сказалъ онъ и, взявъ еще двухъ стрѣлковъ, перебилъ съ ними всѣхъ китайскихъ телеграфистовъ. Снаряды перестали попадать на нашъ бивуакъ.

Китайскія войска теперь заняли весь Тянь-Цзинь. Кругомъ были ихъ батареи. Желѣзная дорога въ Таку была разрушена и наши среди китайскихъ полковъ мужественно защищались сами и защищали европейцевъ купцовъ, женщинъ и дѣтей. До нихъ доходили слухи о томъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ въ такомъ же положеніи находится Сеймуръ... Нужно было скорѣе дать знать своимъ на суда въ Таку и по телеграфу въ Портъ-Артуръ. Пока придутъ войска—пройдетъ недѣля, а дальше держаться

пель я будетъ — не хватитъ людей... Всѣхъ перебьютъ. Пробиться... Пробиться бы можно, если бы это были одни солдаты. Но какъ пробиться съ женщинами, которыхъ обязаны защищать русскіе стрѣлки?.. Какъ пробиться съ ранеными? Не бросить же ихъ на растерзаніе свирѣпымъ китайцамъ. Оставалось одно—послать донесеніе въ Таку.

Полковникъ Анисимовъ вызвалъ охотниковъ пробиться сквозь толпы китайцевъ и передать донесеніе въ Россію. Охотниковъ вышло много. Казаки и солдаты наперерывъ добивались чести пробиться, или умереть за родину. Изъ числа охотниковъ было выбрано три казака 6-й сотни Верхнеудинскаго полка:—урядникъ Дмитріевъ и казаки Баньщиковъ и Каргинъ. Съ ними вмѣсто проводника поѣхалъ тянь-цзинскій житель, хорошо знающій по китайски англичанинъ Джимъ Уатсъ.

Казаки отобрали пять лучшихъ лошадей, три подъ себя, одну англичанину и одну про запасъ, заводную, и вечеромъ, 6-го іюня, выѣхали со станціи. Лагерь боксеровъ они проѣхали безъ выстрѣла, черезъ какую-то китайскую деревню, занятую солдатами, проскакали въ карьеръ со стрѣльбою, также прошли и вторую и... потеряли дорогу.

Англичанинъ испугался и знаками показывалъ, что лучше вернуться назадъ въ Тянь-Цзинь,—урядникъ Дмитріевъ показывалъ рукою на горло, объясняя этимъ, что назадъ идти опасно: — дескать, голову перерѣжутъ. Но англичанинъ понялъ, что казаки угрожаютъ ему снести голову, если онъ не поведетъ ихъ, и, скрѣпя сердце, поѣхалъ дальше.

На серединѣ пути, казаки, кравшіеся между регулярныхъ китайскихъ солдатъ, были окружены на насыпи у глубокаго тинистаго канала. Кругъ китайцевъ суживался. Вотъ-вотъ, они захватятъ казаковъ.

Но казаки стянули своихъ лошадей и обезумѣлаго отъ страха Уатса въ густую осоку и спрятались на днѣ тинистой канавы. И лошади будто поняли опасность. Ни

одна не вздохнула, ни одна не заржала, не пошевельнулась. И вотъ надъ головами стали слышны голоса китайцевъ. Китайцы видѣли сейчасъ разъѣздъ—онъ долженъ былъ быть тутъ, но его не было. Тишина царила кругомъ. Обманчиво мелькали тѣни отъ луны. „Бѣлыхъ дьяволовъ“ нигдѣ не было видно.

Долго шарили китайцы. Они тщательно осмотрѣли рисовыя поля, прошли добросовѣстно всѣ валы, но не заглянули въ канаву: Богъ хранилъ героевъ казаковъ. Едва китайцы ушли, какъ казаки вскочили на своихъ добрыхъ коней и понеслись черезъ поля. Пули засвистали имъ въ догонку. Одна изъ нихъ свалила лошадь подъ Уатсомъ. Пришлось подъ огнемъ пересѣдлать ее на запасную и снова скакать... Свѣтало... Вдали виднѣлись грозные форты Таку... Чьи они—китайскіе, или русскіе?..

Измученные, мокрые отъ переправы вплавь черезъ каналъ Верхнеудинцы слѣзли съ коней и спрятались въ кустахъ. Урядникъ Дмитріевъ поползъ на развѣдку.

Свѣтало... вдали виднѣлись грозные форты Таку.

V.

Наши матросы и стрѣлки берутъ штурмомъ Таку.

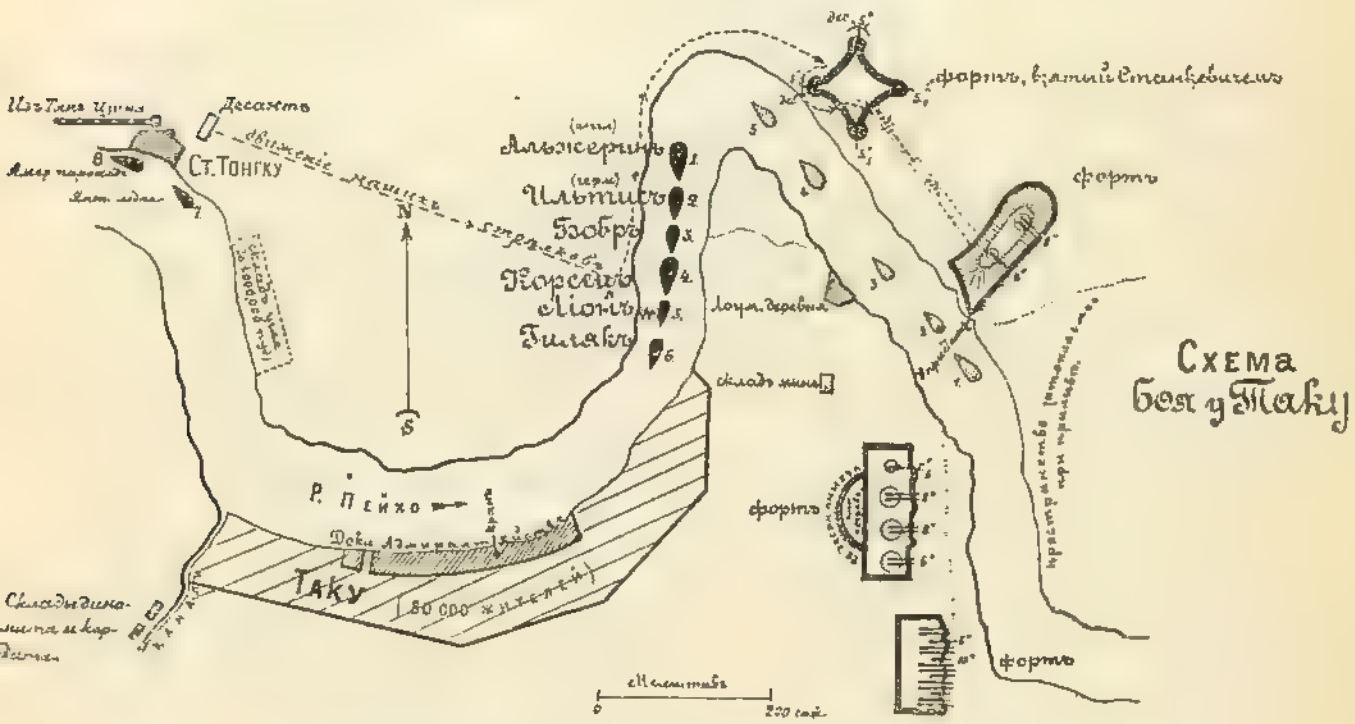
Въ то время, какъ полковникъ Анисимовъ укрѣплялся на желѣзно-дорожной станціи у Тянь-Цзиня адмиралъ Сеймуръ оборонялся у Сигу, а посланники съ волненіемъ съ часу на часъ ожидали подмоги; на русскихъ и иностранныхъ военныхъ судахъ, собравшихся у крѣпости Таку происходилъ военный совѣтъ морскихъ генераловъ. За старшаго на этомъ совѣтѣ былъ русскій адмиралъ Гильдебрандтъ.

Было ясно теперь, что мятежъ Большого Кулака такъ разросся, что китайцамъ самимъ съ нимъ не справиться и не защитить безъ помощи европейскихъ войскъ посланниковъ въ Пекинѣ. Отсутствіе извѣстій отъ Сеймура, вѣсти о томъ, что желѣзная дорога между Тянь-Цзинемъ и Таку дѣятельно разрушается боксерами, дошли до адмираловъ—и нужно было подумать—какъ доставить посланникамъ большую помощь...

Чтобы войска могли свободно высаживаться на китайской землѣ, нужно было взять крѣпость Таку, построенную въ устьѣ рѣки Пейхо у входа ея въ Печелійскій заливъ. И вотъ адмиралы заключили между собою союзъ, обѣщали дѣйствовать дружно, сообща, и написали бумагу,

въ которой просили китайцевъ убрать войска изъ-подъ Тянь-Цзиня, допустить европейскія союзныя войска въ Пекинъ для защиты посланниковъ и сдать крѣпость Таку, чтобы въ случаѣ нужды союзники могли бы высадить тамъ свои войска. Ожидать отвѣта обѣщали до 2 ч. ночи 3-го іюня.

Съ этими бумагами были посланы русскіе офицеры къ начальнику крѣпости Таку и къ китайскому губерна-



Планъ сраженія у Таку 4-го іюня 1900 года.

тору, управлявшему всѣми мѣстами, на берегу рѣки Пейхо,—въ г. Тянь-Цзинь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ и союзнымъ пароходамъ приказано было изготовиться къ бою противъ крѣпости. Большіе наши корабли, на которыхъ были адмиралы, стояли въ 20 верстахъ отъ крѣпости въ морѣ и не могли подойти ближе къ Таку, потому что у входа въ рѣку Пейхо находится мель, переходить которую можно только небольшимъ судамъ, да и то лишь во время приливовъ, когда вода въ рѣкѣ высока. Поэтому, противъ крѣпости

на срединѣ рѣки стояло три русскихъ канонерскихъ лодки – „Бобръ“, „Гилякъ“ и „Кореецъ“, французская лодка „Ліонъ“, нѣмецкая „Ильтисъ“ и англійская „Альжеринь“ Старшимъ командиромъ надъ всѣми лодками былъ русскій морской офицеръ, капитанъ 2-го ранга Добровольскій.

Крѣпость Таку построена по новѣйшимъ правиламъ и имѣетъ четыре отдѣльныхъ укрѣпленія, или форта, сдѣланныхъ изъ песка и цемента. Форты расположены: два на одномъ берегу рѣки и два на другомъ. На всѣхъ фортахъ поставлены скорострѣльныя пушки, а отъ штурма они защищены глубокими рвами, наполненными водою. Чтобы разрушить ихъ стѣны, нужно имѣть громадныя пушки и обстрѣливать крѣпость по крайней мѣрѣ недѣлю. На нашихъ же лодкахъ находились лишь небольшія пушки да пулеметы *). Съ этими средствами было приказано въ случаѣ несогласія китайцевъ сдать крѣпость добровольно —взять ее силою...

Капитанъ Добровольскій, получивъ этотъ приказъ, рѣшилъ обстрѣливать сильнѣе всего крайній сѣверный фортъ и на него же повести атаку и съ суши; въ случаѣ занятія сѣвернаго форта съ него можно было обстрѣливать всѣ остальные.

На сушѣ въ деревнѣ Тонгъ-Ку, тамъ, гдѣ начинается желѣзная дорога на Тянь-Цзинь, находились остатки 12 стрѣлковаго полка, ушедшаго съ Анисимовымъ: хлѣбопеки, кашевары, деньщики и отсталые по болѣзни. Люди эти составляли сводную роту въ 163 человѣка подъ командой поручика Станкевича, тамъ же были матросы съ иностранныхъ судовъ:—140 нѣмцевъ, 160 англичанъ и 150 японцевъ. Орудій при нихъ не было. Этимъ людямъ было приказано завладѣть неприступнымъ фортомъ Таку...

*) Пулеметъ состоитъ изъ ряда ружейныхъ стволовъ, укрѣпленныхъ на подставкѣ. Особымъ механизмомъ къ пулемету придвигается лента съ патронами. Стоитъ только вертѣть рукоятку и пулеметъ разсѣиваетъ массу пуль въ любомъ направленіи.

Матросамъ былъ отданъ приказъ готовиться къ бою. Изъ шпилей и скатанныхъ матросскихъ коекъ, положенныхъ вдоль бортовъ лодокъ, устроено было ничтожное закрытіе людямъ. Орудія были осмотрѣны, снаряды принесены. Всѣ были на мѣстахъ, на верхней палубѣ.

Наступила теплая, южная ночь. Съ фортовъ на суда навели электрическіе лучи. Эти лучи постояли нѣсколько

Капитанъ 1-го ранга К. Р. Добровольскій.

минутъ на мѣстѣ, потомъ исчезли. Мѣсяцъ выплылъ изъза холмовъ и заигралъ блестками на волнахъ рѣки. Начинался отливъ—море уходило, рѣка мелѣла. Командиръ Добровольскій обходилъ свою команду и всюду видѣлъ, что люди лежали съ открытыми глазами.

— „Что, братцы, не спите“, говорилъ онъ имъ

— „Да такъ что, ваше высокоблагородіе, не спится“, отвѣчали матросы.

Каждый понималъ, что наступаетъ великая, грозная минута. Годы выучки и дисциплины сегодня ночью будутъ испытаны. Передъ лицомъ всего свѣта, на глазахъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ нужно будетъ показать, какъ хранятъ святость присяги русскіе матросы и какъ сумѣютъ они умереть за Вѣру, Царя и Отечество... Каж-

дый матросъ это понималъ и ему не спалось. Не спалось, какъ не спится хорошему солдату передъ смотромъ. Вѣдь и тутъ наступалъ смотръ. Только смотръ передъ лицомъ Божіимъ... И хотя матросы и были спокойны, но каждый думалъ свою думу и горѣлъ желаніемъ не посрамить земли русской...

Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ съ главнаго форта лейтенантъ Бахметьевъ и разсказалъ Добровольскому, о чемъ онъ говорилъ съ комендантомъ крѣпости Таку.

Китайскій генералъ спросилъ у русскаго офицера всѣ ли форты должны быть сданы союзникамъ.

— „Всѣ“ -отвѣтилъ Бахметьевъ—„и до двухъ часовъ ночи!“

— „Вы получите отвѣтъ ранѣе двухъ часовъ“, загадочно отвѣтилъ хитрый китаецъ и отпустилъ Бахметьева.

Загадка скоро разъяснилась.

Въ 12 часовъ 50 минутъ ночи одинокій выстрѣлъ съ сѣверо-западнаго форта нарушилъ тишину ночи, пламя сверкнуло надъ гребнемъ укрѣпленія и ядро со свистомъ прорѣзало воздухъ. Сейчасъ же по всѣмъ фортамъ начался бѣглый огонь; на выстрѣлы бодро и весело отвѣтили наши канонерскія лодки. Бой начался. Черезъ какія-нибудь полчаса къ нашимъ судамъ подошли: англійская, французская и нѣмецкая лодки и всѣ шесть маленькихъ судовъ отважно вступили въ бой съ крѣпостными твердынями. Китайцы хорошо опредѣлили дистанцію и навели свои пушки. Одинъ изъ первыхъ снарядовъ попалъ въ лодку „Гилякъ“ разбилъ мачту и разорвавшись тяжело ранилъ осколками лейтенанта Богданова, шедшаго къ фонарю убилъ квартермистра Иванова и ранилъ матросовъ Семенова и Кирюхина. Это были первыя наши потери въ ночномъ бою. Въ 1 часъ ночи второй снарядъ попалъ еще удачнѣе. Электрическіе проводы были разбиты и во внутреннихъ помѣщеніяхъ лодки, наступила темнота. Наверху освѣщалъ картину боя полный мѣсяцъ. Затѣмъ упали

еще и еще снаряды и поломали трубы въ машинахъ, и взорвали ящикъ съ патронами. Убитыхъ и раненыхъ прибавилось. Начался пожаръ. Въ пробоину, полученную судномъ въ подводной части начала заливать вода. Но никакого безпокойства среди матросовъ „Гиляка“ не было. Командующій лодкой лейтенантъ Сарычевъ продолжалъ такъ же спокойно подавать команды, а наверху и внизу кипѣла работа. Одни стрѣляли, другіе подъ выстрѣлами тушили пожаръ, третьи выкачивали воду и задѣлывали пробоину, наконецъ, въ самомъ низу при тускломъ свѣтѣ свѣчей машинистъ Кальтманъ чинилъ машину. Матросы не знали что такое страхъ. Кочегаръ Плутниковъ съ пожарной кишкой пролѣзъ къ самому пороховому погребу и тамъ заливалъ огонь, стоя среди пламени. Онъ получилъ серьезные ожоги. Въ самомъ погребѣ рулевой Улановскій, стоя по поясъ въ водѣ бойко подавалъ снаряды на верхъ. Фельдшеръ Кремъ перевязывалъ раны такъ спокойно, какъ будто бы сидѣлъ не въ каютѣ пылающаго корабля, а въ госпитальной палатѣ. А на верху тѣмъ временемъ матросы отличались другъ передъ другомъ удалью и хладнокровіемъ. Наводчикъ Вереюшинъ взорвалъ въ фортѣ пороховой погребъ...

Кругомъ лежали раненые и убитые. Лейтенанты Богдановъ и Шитовъ были ранены, 8 матросовъ было убито, 67 ранено... Но никому во время боя не было до этого дѣла—всѣ работали, какъ на смотру.

Другая наша лодка „Кореецъ“ въ началѣ боя сошла со своего мѣста и орудія китайцевъ, какъ видно, наведенныя заранѣе долго попадали въ то мѣсто, гдѣ стоялъ раньше „Кореецъ“ и потерь на немъ не было. Но скоро китайцы замѣтили свою ошибку и въ 3 часа ночи первое ядро пробило верхній полъ на лодкѣ и произвело пожаръ надъ пороховымъ погребомъ. Сейчасъ же залили погребъ водою и стали тушить пожаръ. Пожаръ погасили очень быстро, но слѣдующіе снаряды попали также удачно и поломали жилыя помѣщенія. При этомъ ядромъ оторвало

голову лейтенанту Буракову и убило двухъ матросовъ, а третьяго смертельно ранило. Снаряды стали ложиться все вѣрнѣе и вѣрнѣе. Еще одинъ офицеръ, лейтенантъ Леденевъ нашелъ себѣ славную смерть; убито было 8 матросовъ и ранено 20. Но, какъ на „Гилякѣ", такъ и на „Корейцѣ" люди работали по русски—молодецки. Наводчикъ Вавиловъ взорвалъ китайскій пороховой погребъ — и дружное ура! раздалось на „Корейцѣ". Никто не робѣлъ. Каждый дѣлалъ свое дѣло и въ кипучей работѣ забывалъ и опасность, и раны, и смерть.

На „Бобрѣ" — потерь не было, — но нѣмецкая лодка „Ильтисъ" и англійская „Альжернонъ" не мало пострадали отъ огня китайцевъ.

Шесть маленькихъ лодокъ, вооруженныхъ небольшими пушками вели впродолженіе семи часовъ отчаянный бой съ грозными твердынями крѣпости Таку. Удачные выстрѣлы нашихъ судовъ уже клонили дѣло къ побѣдѣ, но завершить ее выпало на долю славныхъ русскихъ стрѣлковъ.

Какъ только на судахъ раздались первые выстрѣлы, наша рота подъ командой поручика Станкевича, выступила изъ Тонгъ-Ку и въ походномъ порядкѣ, безъ дорогъ, направилась на выстрѣлы къ сѣверному форту. По пути къ ней присоединились нѣмецкіе матросы подъ командой капитана Поля, а также англійскіе и японскіе матросы.

Не доходя 1000 шаговъ до форта всѣ остановились. Нужно было подождать, когда артиллерія съ лодокъ перестанетъ стрѣлять.

При свѣтѣ луны ясно были видны грозные валы крѣпости, громадныя пушки за ними и ряды китайцевъ, залегшихъ за гребнемъ. Ни одной пробоины, ни одного обвала не произвели наши снаряды и крѣпости стояли цѣльныя съ высокими и неприступными стѣнами.

Нѣмецкіе, англійскіе и японскіе офицеры собрались всѣ вмѣстѣ. Подошелъ къ нимъ и нашъ поручикъ Станкевичъ.

— „Смотрите обвала нѣтъ“,—сказалъ нѣмецкій капитанъ Поль. —„Атаковать крѣпость невозможно! Нужно отступать!“

— „Конечно, отступать!—это безуміе идти на штурмъ, не сдѣлавъ артиллеріею обвала!“ — поддержали нѣмца англичанинъ и японецъ.—„Мы отступимъ“.

— „Дѣлайте, господа, какъ знаете“,—твердо заявилъ Станкевичъ—„я получилъ приказаніе взять крѣпость и я возьму ее во что бы то ни стало... Или погибну... Я пойду одинъ“...

Нѣмцы стали свертываться въ походную колонну и отходить, за ними потянулись японцы, одни англичане еще медлили.

Разсвѣтъ наступалъ. Уже ясно видны стали солдаты на фортѣ, и нашихъ можно было легко замѣтить. Стрѣльба по форту прекратилась, на судахъ ждали атаки нашей пѣхоты.

Пора было дѣйствовать.

И вотъ раздалась твердая русская команда Станкевича—„первый взводъ по батареѣ, 1200, залпами!“ 1-ая полурота залегла въ цѣпи...

— Тррахъ!—простучалъ первый залпъ, за нимъ второй, третій...

— „Перестать стрѣлять, курокъ, встать, цѣпь впередъ“. И какъ на ученьи поднялась сводная рота и бодро пошла одна впередъ. За нами пошли англичане, разсыпались рядомъ съ нами... и не отстаютъ. Нѣмцы потянулись во второй линіи и японцы въ третьей.

На 800 шаговъ остановились и начался рѣдкій огонь. Стрѣляли по орудійной прислугѣ форта и орудія замолчали. Потомъ, какъ и слѣдуетъ по уставу, пошли перебѣжками. Перебѣгутъ наши стрѣлки, за ними, не отставая бѣгутъ англійскіе матросы и такъ добѣжали до самыхъ стѣнъ и частымъ огнемъ застрѣляли по китайцамъ. Обалдѣли китайцы. Забыли какъ и цѣлить. Приставляютъ приклады къ животу, кладутъ подъ мышку, не цѣлятся. Страшно имъ видѣть русскихъ такъ близко.

Но крѣпость неприступна. Не переплыть ея рва, не взлѣзть на стѣну! Нѣтъ у нашихъ стрѣлковъ ни мостковъ, ни фашинъ, ни лѣстницъ! Ничего не могутъ они сдѣлать... Не отступать же? Да и отступать то нельзя! Назадъ пойдешь—китайцы добьютъ. Минута была рѣшительная. Но Богъ былъ на сторонѣ храбрыхъ. Въ самый тяжелый моментъ поручикъ Станкевичъ вспомнилъ, что вправо, со стороны рѣки, есть ворота. Онъ видалъ эти ворота, когда плылъ на лодкѣ вдоль фортовъ въ Тонгъ-Ку.

— „За мною, братцы!"—крикнулъ онъ и подъ выстрѣлами побѣжалъ вправо. За нимъ кинулся его младшій офицеръ подпоручикъ Янчисъ, младшіе унтеръ-офицеры 1-й роты Алимовъ и 8-й роты Будаковъ и Тепловъ, стрѣлки 2-й роты Лыковъ и 3-й роты Довбинъ и эта маленькая кучка храбрецовъ побѣжала къ воротамъ, за которыми было по меньшей мѣрѣ 400 китайцевъ. Дружно хватили стрѣлки прикладами въ дверь калитки и не выдержала она молодецкаго напора, еще минута и въ проломъ одинъ за однимъ лѣзутъ лихіе Восточно-Сибирцы. И какъ только китайцы увидали бѣлыя рубахи русскихъ стрѣлковъ внутри форта, они, толкаясь и падая, побѣжали по подземному ходу въ другой фортъ, а оттуда кинулись на болотистую отмель, многіе тамъ завязли и когда начался приливъ, море покрыло ихъ, застывшихъ въ ужасѣ...

Громкое ура! гремѣло на первомъ занятомъ фортѣ. Станкевичъ искалъ русскій флагъ, чтобы поднять его на только что взятой твердынѣ, но флага не было и онъ оторвалъ унтеръ-офицерскій погонъ и привязавъ его на шестъ, выставилъ на валу... Вскорѣ англійскій, японскій и нѣмецкій флаги обозначили, что союзники не зѣвали и заняли покинутые китайцами остальные форты...

Ясное утро началось. Туманъ разсѣялся, далеко стало видно. Солнце показалось надъ моремъ, освѣтило мачты кораблей, стоявшихъ въ морѣ и озарило покрытыя тѣлами стѣны и рвы фортовъ. Море пошло на прибыль.

Стрѣлки стали считать потери — оказались ранеными 2-й роты Ткачъ, 4-й роты Крафъ и 5-й роты еврей Гершъ Шумиранъ. Поступивъ въ ряды славныхъ

...„Станкевичъ оторвалъ унтеръ-офицерскій погонъ и привязавъ его на шестъ выставилъ на валу".

стрѣлковъ и еврей сталъ храбрымъ русскимъ солдатомъ... Невелики были потери. Да это и понятно—лихо и быстро наступали стрѣлки, ни минуты не сомнѣваясь, что Богъ даруетъ имъ побѣду. Не зря говорится въ народѣ— „смѣлымъ Богъ владѣетъ".

Начавшійся день засталъ всѣхъ за работой. На канонерскихъ лодкахъ чинили поврежденія. Тамъ визжала пила, стучали топоры, спѣшно задѣлывали пробоины. На валахъ уже возились стрѣлки. Ружья были составлены, скатки сняты и съ веселымъ говоромъ солдаты работали лопатой. Каждую минуту можно было ожидать нападенія китайцевъ. Силы союзниковъ были ничтожны, нужно было приготовиться. И дѣйствительно, толпа китайцевъ въ тотъ же день обстрѣляла одну изъ нашихъ лодокъ, но скоро была прогнана мѣткими выстрѣлами изъ пулеметовъ.

День склонялся къ вечеру, когда уснули усталые матросы и стрѣлки. Все было такъ спокойно, слѣды боя были сглажены и, если бы не какіе то длинные предметы, накрытые морскимъ флагомъ на кормѣ „Корейца“ и „Гиляка“ — можно было бы подумать, что ничего не произошло въ достопамятную ночь съ 3 на 4 іюня.

Таку было въ нашихъ рукахъ. Намъ принадлежала начальная станція желѣзной дороги, концомъ которой былъ Пекинъ. Это взятіе Таку было не только удачнымъ починомъ въ дѣлѣ усмиренія мятежниковъ, но и краеугольнымъ камнемъ для цѣлаго ряда побѣдъ. Мѣсто, гдѣ можно высадить войска и орудія, гдѣ можно выгружать провіантъ находилось въ нашихъ рукахъ. Легче и проще становилась вся война послѣ этой первой и весьма важной побѣды.

VI.

На выручку Анисимова и Сеймура.

Генералъ-Маіоръ Стесселъ.

4 іюня въ только что взятомъ Таку начали высаживаться на китайскій берегъ роты 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Въ этотъ день высадилось 7 ротъ, а на другой день, 5-го іюня высадили еще одну роту, 4 полевыхъ орудія и 4 картечницы. 6-го іюня въ Таку собрался первый значительный русскій отрядъ, бывшій подъкомандой командира 3-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады Генералъ-Маіора Стесселя.

Рано утромъ 7-го іюня къ Тонгъ-Ку прокрались четыре человѣка, промокшіе насквозь, вымазанные въ грязи, усталые, съ усталыми лошадьми, которыхъ они едва тя-

нули въ поводу. Эти люди были казаки Верхнеудинскаго полка Дмитріевъ, Баньщиковъ и Каргинъ съ англичаниномъ Уатсомъ.

— Наши! Слава те Христу! проговорилъ урядникъ, когда его окликнули на первой стрѣлковой заставѣ — „что землякъ много нашихъ здѣсь?“, обратился онъ къ стрѣлку.

— Откуда будете то?—спросилъ подошедшій старшій.

— Съ Тянь-Цзиня. Тамъ, братъ, страсть! Не знаю живы ли наши! Когда же крѣпость забрали?

— Позавчера.

— Ну слава же Христу. Кто командиръ у васъ?

— Генералъ-Маіоръ Стессель.

— Бригада значитъ.

— „И съ орудіями“, отвѣчалъ торжественно стрѣлокъ и оба поняли, что война завязалась не на шутку.

— Ну проводи до командира, сказалъ казакъ и оправивши свою измокшую одежду, потащился съ донесеніемъ къ генералу Стесселю.

Въ донесеніи было написано:

...«*Сообщеніе прервано, китайскія скопища окружили Тянь-Цзинь, бомбардируютъ его изъ орудій большихъ калибровъ, нанося потери—убито и ранено семь офицеровъ, сто пятьдесятъ нижнихъ чиновъ, патроновъ и снарядовъ осталось немного. Пробиться на Таку трудно, а также вести женщинъ, дѣтей и раненыхъ; желѣзная дорога совершенно искорчена*»...

Сейчасъ же 900 человѣкъ, изъ 9-го Стрѣлковаго полка двинулись на выручку Анисимова, а на другой день 8-го іюня и самъ Стессель съ артиллеріею и баталіономъ 10-го Стрѣлковаго полка, спѣшно прибывшаго изъ Портъ-Артура пошелъ по дорогѣ на Тянь-Цзинь.

Казачій разъѣздъ урядника Дмитріева свято исполнилъ свой долгъ. Передавъ донесеніе генералу Стесселю лихіе казаки накормили своихъ коней и ночью, 7-го, пустились въ обратный путь, чтобы передать товарищамъ въ Тянь-

Цзинѣ, что подмога близка. За этотъ подвигъ урядникъ Дмитріевъ былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена 3-й степени, а казаки Каргинъ и Баньщиковъ такими же знаками 4-й степени.

8-го іюня, въ жаркій и душный день части бригады Стесселя погрузились въ вагоны захваченной нами желѣзной дороги, саперы заняли мѣста на тормазахъ, на паровозѣ сталъ военный инженеръ капитанъ Сапниковъ, раздался свистокъ и медленно и осторожно тронулся поѣздъ вглубь Китая.

Не безопасенъ былъ этотъ путь. Мѣстами изъ подъ рельсовъ были вынуты шпалы, мѣстами свѣже взрытая земля и минныя приспособленія показывали, что здѣсь готовился взрывъ. То и дѣло приходилось останавливатся. Саперы и стрѣлки живо выбѣгали тогда впередъ и киркой и лопатой чинили дорогу.

9-го іюня желѣзную дорогу бросили. Кругомъ были боксеры. Ихъ артиллерія то и дѣло стрѣляла по нашей колоннѣ. Но стрѣлки не робѣли. Подъ огнемъ артиллеріи и пѣхоты по наведенному капитаномъ Сапниковымъ мосту перешли наши войска на другой берегъ Пейхо и начали съ боемъ, пробиваться къ Тянь-Цзинской желѣзнодорожной станціи. Въ это время правая наша походная застава, состоявшая изъ роты 9-го полка поручика Турова была совершенно окружена боксерами. Стрѣляли прямо въ упоръ, кидались съ копьями и шашками. 16 стрѣлковъ было убито и ранено, но товарищи ихъ не бросали. Тѣсно сомкнувшись въ плотное каре, ощетинивъ штыки пробивался Туровъ со стрѣлками черезъ толпы китайцевъ и вернулся къ своимъ, не отдавъ боксерамъ ни одного ружья, принеся съ собою всѣхъ убитыхъ и раненыхъ.

Такъ, шагъ за шагомъ, пробивался Стессель, направляясь къ Тянь-Цзинію. 11-го іюня вдали показались стѣны, занятыя боксерами, видны были дома, трубы и крыши города. Слышнѣе и слышнѣе становилась перестрѣлка, которую велъ съ боксерами полковникъ Анисимовъ. Нашъ

отрядъ развернулъ боевой порядокъ и русскія пушки начали пробивать дорогу къ желѣзнодорожной станціи. Черезъ нѣсколько часовъ стрѣлки 12-го полка, выдержавшіе пятидневную осаду, были освобождены своими товарищами 9-го полка.

Какъ ни устали люди послѣ тяжелаго похода и боя— отдыхать было нельзя. Отъ Сеймура донесенія были самыя невеселыя. Онъ едва держался въ мѣстечкѣ Сигу. Туда былъ отряженъ съ четырьмя ротами 12-го полка и нѣсколькими командами иностранцевъ подполковникъ Ширинскій. Бодро выступили стрѣлки въ походъ. Идти нужно было въ обходъ города, переправляться черезъ каналы, но стрѣлковъ ничто не могло остановить и послѣ похода впродолженіе цѣлаго дня Ширинскій вступилъ въ бой съ линіями китайскихъ войскъ, окружавшихъ Сигу, прошелъ сквозь нихъ и соединился съ Сеймуромъ.

Велико было удивленіе и радость англичанъ, когда передъ воротами мѣстечка показались бѣлыя фуражки и запыленныя рубахи стрѣлковъ. Лица были покрыты потомъ и грязью, но весело кричали они ура! пожимая руки истомленнымъ иностранцамъ и своимъ матросамъ. На другой день разрушили стѣны Сигу, взорвали бывшій тамъ порохъ, уничтожили орудія и ружья и весело пошли въ Тянь-Цзинь на соединеніе со своимъ бригаднымъ. Дорого поплатился адмиралъ Сеймуръ за свою оплошность. 56 человѣкъ было убито и 252 ранено, нашихъ было убито 10 солдатъ, ранено 4 офицера и 22 матроса.

VII.

Взятіе Тянь-Цзиня.

Боевыя дѣйствія противъ китайцевъ съ цѣлью занять Пекинъ и освободить посланниковъ, только что начались, прошло всего двѣ недѣли, а уже русскіе завладѣли важною пристанью Таку, прошли треть разстоянія до Пекина, чинили желѣзную дорогу и ухватились прочно за уголокъ Тянь-Цзиня...

Имя „русскій", слово „казакъ" стало страшнымъ для китайцевъ. Китайцы готовы были вѣрить, что русскіе заколдованы, что русскимъ помогаетъ нечистая сила. И боялись они нашихъ и любили ихъ. За то любили, что твердо помнили наши казаки и солдаты тотъ завѣтъ, что написанъ въ каждой ротѣ, въ солдатской памяткѣ **„обывателя не обижай, онъ насъ поитъ и кормитъ"**. И не обижали стрѣлки мирныхъ китайцевъ, ласково обращались съ плѣнными, жалѣли ихъ. „Онъ, хоть и трусъ, китаецъ-то", говорили солдаты, „а когда припадетъ ему умирать—умираетъ хорошо, спокойно"...

Нашъ отрядъ расположился бивакомъ у желѣзнодорожной станціи. Внутри, подъ защитой солдатъ спрятались мирные жители. Саперы работали на желѣзной дорогѣ. Солдаты готовились къ рѣшительному бою. Весь Тянь-Цзинь былъ занятъ боксерами. Вправо отъ нашего бивака, за каналомъ, былъ укрѣпленный китайцами восточный арсеналъ. Тамъ стояли дальнобойныя пушки, были большіе запасы пороха и патроновъ. Влѣво такой же западный арсеналъ угрожалъ нашему лѣвому флангу. Прямо напротивъ китайцы укрѣпляли стѣны города, ста-

Государственная библиотека имени В. И. Ленина

вили на нихъ орудія и готовились громить нашъ отрядъ съ трехъ сторонъ.

14-го іюня генералъ Стесселъ съ сотней верхнеудинцевъ и двумя пулеметами отправился осмотрѣть восточный арсеналъ. Китайцы открыли огонь. Наши послали за стрѣлками. Живо прибѣжали четыре роты. Началась перестрѣлка. Запалили китайскія пушки. Оказалось, что у китайцевъ стоитъ всего два орудія. Послали за иностранцами и артиллеріей. Пришла наша 2-я батарея и одно англійское орудіе и загремѣли пушки. Китайцы начали спѣшно стрѣлять и неумолкая загремѣла ружейная перестрѣлка. Наши начали наступленіе съ трехъ сторонъ и послѣ 9-ти часоваго боя раздался сигналъ атаки. Могучее ура пронеслось по рядамъ и стрѣлки и иностранцы побѣжали на арсеналъ. Китайцы бросили его и мы заняли самый важный участокъ китайской позиціи. Наши потери были 6 убитыхъ и 46 раненыхъ.

Теперь, когда арсеналъ былъ занятъ, отрядъ генерала Стесселя меньше терпѣлъ отъ огня китайцевъ и было можно отдохнуть и приготовиться къ атакѣ самого Тянь-Цзиня.

Каждое утро въ Тянь-Цзинѣ начиналось стрѣльбою. Китайскія пушки дымили и посылали снарядъ за снарядомъ. Снаряды перелетали, недолетали, но иногда и падали удачно и тогда наши начинали отвѣчать, или переводили свою часть въ другое мѣсто, куда китайцы еще не успѣли пристрѣляться. Особенно много причинялъ вреда иностраннымъ войскамъ громадный западный арсеналъ, разрушавшій постройки, занятыя ими.

Прошла недѣля. Томительная недѣля подъ огнемъ. Желѣзная дорога быстро возстановлялась, начали проводить телеграфную линію. Подкрѣпленія спѣшили къ иностраннымъ войскамъ.

Утромъ 23-го іюня стрѣльба началась раньше обыкновеннаго. Вмѣсто одиночныхъ выстрѣловъ стали раздаваться залпы орудій, застучали винтовки, показались синія кофты

съ желтыми и красными кругами китайскихъ солдатъ. Грозно молчали наши укрѣпленія, усѣянныя бѣлыми рубахами стрѣлковъ. Но вотъ и наши пушки стали отвѣчать китайцамъ и вскорѣ шрапнельные снаряды заставили боксеровъ отойти подальше. Семь часовъ длилась эта артиллерійская перестрѣлка и къ полудню стихла. Китайцы не рѣшились напасть на нашу позицію. Нашимъ этого не было приказано. Жара стояла страшная. Каждый день лили дожди и мелкая пыль обратилась въ непролазную грязь. Трудно было двигаться по сплошному болоту, въ которое обратилась мѣстность кругомъ Тянь-Цзиня. Вода была гнилая. Можно было опасаться болѣзней.

30-го іюня передъ разсвѣтомъ японцы, англичане и американцы пошли къ арсеналу. Началась ружейная перестрѣлка. Боксеры храбро лѣзли впередъ... Но вотъ на помощь иностранцамъ бойко промаршировали двѣ роты Восточно-Сибирскихъ стрѣлковъ. Живо пособавилось спѣси у китайцевъ, а когда на флангахъ раздалось мощное русское ура! китайцы въ безпорядкѣ бѣжали и иностранцы захватили западный арсеналъ, захватили тамъ двѣ пушки и подожгли его. Теперь съ фланговъ наша позиція была защищена, оставалось сломить главныя силы боксеровъ и овладѣть самимъ Тянь-Цзинемъ.

Черезъ два дня мы заняли новое мѣсто для боя, наши 16 орудій Восточно-Сибирской артиллерійской бригады были поставлены на позицію, къ намъ присоединилось еще 26 иностранныхъ орудій и на разсвѣтѣ 30-го іюня грозно загремѣла артиллерія. Наводчики щеголяли другъ передъ другомъ искусной наводкой и вскорѣ всѣ орудія боксеровъ были принуждены замолчать. Тогда наши цѣпи стали подаваться по лѣвому берегу рѣки Пейхо, иностранцы по правому.

Темнѣло. Ружейные выстрѣлы становились рѣже и рѣже. То тутъ, то тамъ раздавалось ура! стрѣлковъ, то наши кидались на отдѣльныя части боксеровъ. Наступила ночь, а стѣны города еще не были заняты нами. Никто

не ложился. Всю ночь простояли солдаты у стѣнъ. Имъ было слышно, какъ за стѣнами копошились и говорили китайцы. Врагъ былъ въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ насъ.

Томительно долга была эта ночь. Она прошла незамѣтно лишь для нашихъ и японскихъ саперъ, которые дружно подготовляли подкопъ подъ ворота Тянь-Цзиня. Лихо работали японцы, а наши старались ихъ перещеголять. Общая работа связала ихъ и, знаками объясняясь, наши саперы отлично понимали японцевъ.

И только на востокѣ зазолотился восходъ, а на западѣ небо стало свѣтлѣть и можно было разбирать предметы, какъ страшный взрывъ потрясъ землю, ворота Тянь-Цзиня рухнули и съ ружьями на перевѣсъ побѣжали по осыпи обвала наши стрѣлки и за ними японцы, дальше спѣшили другіе иностранцы. На улицахъ Тянь-Цзиня еще толпились китайскіе солдаты. Нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ было сдѣлано навстрѣчу нашимъ, а потомъ всѣ повернули и побѣжали къ Пекину...

Тянь-Цзинь былъ взятъ. Его взялъ русскій генералъ Стесселъ, главныя работы по подготовкѣ приступа были сдѣланы русскими саперами и русскій же отрядъ первымъ вошелъ въ его стѣны. Но немалы были и наши потери: 7 офицеровъ было ранено, 22 стрѣлка нашли славную смерть въ бою и 126 было ранено.

Мы взяли 40 орудій и много боевого матеріала. Подвиги нашихъ стрѣлковъ были щедро награждены государемъ императоромъ. Генералу Стесселю былъ пожалованъ георгіевскій крестъ 4-й степени. Такими же крестами были награждены подполковникъ Ширинскій, поручикъ Туровъ и капитанъ Санниковъ. Полковнику Анисимову, имѣвшему георгіевскій крестъ за послѣднюю турецкую войну былъ, пожалованъ владимірскій крестъ съ мечами на шею. На каждую роту 12-го полка было пожаловано по 8 знаковъ отличія военнаго ордена, на роты 9-го полка по 4, 6-й сотнѣ Верхнеудинскаго полка—4, 2-й батареѣ—6, саперному взводу—2 и 3—матросамъ, находившимся при отрядѣ.

VIII.

Къ Пекину.

...По улицамъ Тянь Цзиня гуляли солдаты разныхъ національностей...

Дожди лили не переставая. Каждый день послѣ полудня небо заволакивалось тучами, гремѣлъ громъ и капля за каплей разражался ливень. Вся дорога между Тянь Цзинемъ и Пекиномъ обратилась въ сплошное болото. Нечего было и думать идти по ней съ орудіями и обозомъ. Приходилось подождать.

Стрѣлки устроились въ городѣ и окрестностяхъ. Казаки занялись разъѣздною службою. Усмиреніе китайскаго мятежа обратилось въ настоящую войну. Потребовали новыя силы. Приказано было мобилизовать сибирскій военный округъ, изъ Европейской Россіи двинули желѣзную стрѣлковую бригаду изъ Одессы, 13-й, 14-й, 15-й и 16-й стрѣлковые полки. На войну рвались всѣ. Всѣмъ хотѣлось на дѣлѣ послужить государю и отечеству и, когда на пополненіе рядовъ стрѣлковой бригады вызывали желающихъ

изъ пѣхотныхъ полковъ и командиръ полка, объяснивъ трудности похода, говорилъ:—„ну, братцы, кто желаетъ идти воевать—сдѣлай шагъ впередъ!“—пѣлые полки, какъ одинъ человѣкъ, выступали впередъ. Приходилось отбирать наиболѣе здоровыхъ и между ними кидать жребій...

Но войска изъ Россіи могли бы прибыть не ранѣе шести недѣль, между тѣмъ наступленія откладывать было нельзя: отъ посланниковъ не получалось никакихъ извѣстій, а казаки, пытавшіеся пробраться къ Пекину, доносили, что всѣ дороги заняты войсками генераловъ Суна и Ма. До 50.000 человѣкъ вооруженныхъ китайцевъ-боксеровъ и солдатъ толпились между Пекиномъ и Тянь-Цзинемъ. Они были хорошо вооружены, имѣли большую артиллерію и сражаться съ ними было бы нелегко съ тѣми малыми силами, которыя имѣлъ генералъ Стессель.

По возобновленной русскими саперами желѣзной дорогѣ перевезли изъ Портъ-Артура 10-й и 11-й стрѣлковые полки, двѣ сотни Читинскаго казачьяго полка, подвезли еще пулеметы, прибыла мортирная батарея, двѣ роты саперъ и одна желѣзнодорожная рота. Общее командованіе всѣмъ отрядомъ принялъ генералъ-лейтенантъ Леневичъ. Японцы привезли свои войска—имъ недалеко было возить, англичане собрали все, что могли собрать, американцы выставили три съ половиною тысячи, да 2½ доставили французы. Всего подъ командой Леневича набралось 35.000 со 106 орудіями.

— Ну, братъ, теперь нашихъ сила!—говорилъ молодой стрѣлокъ старому, сидя съ нимъ вечеромъ у дверей китайскаго дома—фанзы.

— Да, братъ, однихъ орудіевъ сколько... Хорошо японцевъ много. Славные они солдаты. Маленькіе, корявые, а шустрые и до всего дошлые. А вѣдь, сказываютъ, и они прежде, какъ китайцы были—дикая нація. И не такъ давно. Мнѣ матросъ старый въ Портъ-Артурѣ говорилъ, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ они изъ луковъ стрѣляли, а выстрѣла, какъ чорта, боялись.

— Поди жъ ты. Нѣмцы должно, или англичане ихъ учили.

— А теперь сами. Нашимъ уступать не хотятъ. И вѣдь босые а ходятъ шибко. Тогда на штурму шли,—они первые на валъ полѣзли. Босому удобно—не склизко.

— Скажу тоже американцы свободные солдаты. Легко такъ себя соблюдаютъ, а ты ихъ не тронь—тоже диспиплину знаютъ. А ружья посмотришь несутъ какъ попало, идутъ не въ ногу.

— Ну, уже чище нѣмцевъ никто не равняется. И одѣты хорошо.

— За то брать въ бою мѣшковаты. Потрафить въ скорости ничего не могутъ. Все про свои „регель“ говорятъ. Англичанинъ тотъ ходчей. Особенно индѣйскіе ихъ солдаты. Въ чалмахъ позакручены ровно турки, и осанистые воины.

— Большой интересъ намъ, Иванъ Алексѣевичъ, выпалъ. Сколько народа перевидали. И не упомнишь кого какъ звать, какой кто націи.

И дѣйствительно. Удивительную картину представлялъ изъ себя Тянь-Цзинь въ эти знойные и дождливые іюльскіе дни. По улицамъ ходили патрули, гуляли солдаты всѣхъ національностей. Вотъ, бойко отбивая тактъ идетъ стрѣлковый патруль. Бѣлыя фуражки лихо заломлены надъ загорѣлыми лицами, совсѣмъ бронзовыми отъ солнца, рубашки съ малиновыми погонами и бѣлыя штаны заправленные въ высокіе сапоги сверкаютъ на солнцѣ... А вонъ въ высокихъ бѣлыхъ холщевыхъ каскахъ и австрійскихъ курткахъ цвѣта песка и въ щиблетахъ идутъ англичане... Тутъ же матросы всѣхъ національностей въ круглыхъ маленькихъ шапочкахъ, казаки на маленькихъ мохнатыхъ лошадкахъ и стройные бенгальскіе уланы на большихъ и поджарыхъ англійскихъ коняхъ.

Въ тѣ три недѣли, что отдыхалъ и собирался въ Тянь-Цзинѣ международный отрядъ генерала Линевича,—китайцы заняли крѣпкую позицію въ 12-ти верстахъ отъ

Тянь-Цзяня у Бей-Цзяня. Находящійся здѣсь иловучій мостъ черезъ рѣку Пейхо они укрѣпили и ожидали наступленія нашихъ силъ.

Дни были такіе знойные, что днемъ душно было двигаться и всѣ ожидали ночной прохлады, чтобы немного вздохнуть. Походъ на Пекинъ начался тоже въ ночь съ 22 на 23 іюля.

Къ разсвѣту подошли къ Бей-Цзяну. Китайцы устроили впереди города наводненіе, заложили за лѣвымъ флангомъ фугасы и выстроили деревянные блиндажи для стрѣлковъ. Предстоялъ упорный бой.

Едва свѣтало, какъ уже бивакъ нашъ зашевелился. На широкой дорогѣ, между красивыхъ китайскихъ домовъ, крытыхъ черепицей, среди полей кукурузы, табака и гаоляна строились наши роты. Оживленіе царило между солдатами.

— Ну, родные мои! —говорилъ молодой улыбающійся стрѣлокъ, сегодня, слышно, до самаго Пекина пойдемъ, будемъ идти пока силы хватитъ.

— А что же, паря, и дойдемъ! Кабы одни были давно бы дошли, а вишь нѣмцы не поспѣваютъ.

— Какъ же дойдешь! такъ тебя китаецъ и пуститъ.

— И, родные, да теперь китаецъ и самъ не радъ, что войну началъ, гляди сейчасъ и пардона запроситъ.

— Онъ бы и радъ, да начальства его тутъ нѣтъ, а безъ начальства своего онъ не смѣетъ...

Раздалась команда. 2 роты 2-го восточно-сибирскаго полка медленно стали вытягиваться по дорогѣ. Вотъ они миновали крайніе дома Бей-Цзяня, патрули разошлись по сторонамъ вправо и влѣво и скрылись за высокими стеблями кукурузы. Впереди бѣлѣютъ только казачьи разъѣзды. Мѣстность кругомъ населенная. Вездѣ видны китайскія деревни, дома въ нѣсколько ярусовъ подымающихся одинъ надъ другимъ, огороды и бахчи арбузовъ и огурцовъ. И все это покинуто жителями. Всюду тишина и безмолвіе.

За нашимъ авангардомъ шла бригада генерала Стесселя, потомъ французы со своей артиллеріей, англичане и японцы.

Солнце подымалось выше и становилось жарче и жарче. Пыль, густою стѣною стояла за колонной, налипала на рубашки и увеличивала духоту. Влѣво извивалась рѣка Пейхо. Оттуда нѣтъ нѣтъ доносились одинокіе выстрѣлы пушекъ, то китайцы громили издали нашу колонну.

Около десяти часовъ утра показался желѣзнодорожный мостъ и расторопные казаки донесли, что китайцы укрѣпились въ деревняхъ подлѣ моста. Полковникъ Модль, бывшій впереди, разсыпалъ свои роты и завязалась перестрѣлка. Выстрѣлы раздавались чаще и чаще. Видно было, какъ перебѣгали отъ дома къ дому китайцы, деревни окутались сизымъ дымкомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Дружно наступали стрѣлки, передъ деревней они выпустили нѣсколько пачекъ патроновъ и съ грознымъ крикомъ ура! бросились въ улицы.

— „Урусъ, урусъ!“ раздалось среди китайцевъ и ужасъ выразился на ихъ лицахъ. На нихъ шли русскіе. Бѣлыя рубахи, которыхъ нельзя побѣдить, русскіе за которыхъ заступаются добрые духи!!! И китайцы покинули деревни и отошли за мостъ къ городку Янъ-Цуну.

Роты полковника Модля пріостановились. Генералъ Леневичъ прискакалъ впередъ и окинулъ зоркимъ взглядомъ мѣстность впереди. За нимъ прогромыхала 2-я батарея, взводъ казаковъ спѣшился и залегъ за насыпью. Сраженіе возобновилось. Оно продолжалось недолго. Въ часъ дня загремѣли первые выстрѣлы нашей артиллеріи, а въ 2 часа дня уже все затихло въ Янъ-Цунѣ, китайцы бѣжали...

Въ Янъ-Цунѣ было сдѣлано дневка. Солдаты изнемогали отъ жары. Дышать было нечѣмъ. На дневкахъ надо было починить сапоги, выстирать рубахи. Пекинъ былъ недалеко.

Сто двадцать верстъ отдѣляло насъ отъ того города, гдѣ страдали и мучились посланники. Живы ли они? Въ

какомъ состояніи? Что дѣлаютъ? Никакихъ извѣстій не было оттуда, вотъ уже два мѣсяца. Страшныя подозрѣнія закрадывались въ душу русскихъ... А что, если эти вѣрные слуги Государевы умираютъ отъ голода, или подвергнуты мучительнымъ казнямъ, и что, если поздно. И каждый торопился, боясь опоздать.

Въ среду 26 іюля, послѣ обѣда, едва началъ спадать полуденный зной мы начали движеніе на Пекинъ. И четыре дня безостановочно шли солдаты впередъ и впередъ. Ихъ лица стали бурыми отъ солнца, рубашки почернѣли отъ пыли и пота. Они почти ничего не ѣли, не имѣли воды, изнемогали отъ жары и усталости. Наши въ этомъ быстромъ движеніи обогнали всѣхъ. Одни японцы отъ насъ не отставали. Англичане и нѣмцы показывали своимъ солдатамъ на нашихъ стрѣлковъ и подзадоривали ихъ идти скорѣе, но тѣ не могли догнать наши роты. Обозы растянулись на десятки верстъ. Люди и лошади падали отъ зноя. А наши все шли. Шли отъ ранняго утра и до обѣда и съ обѣда до поздней ночи. Они дѣлали Суворовскіе переходы. Нѣсколько разъ китайцы пытались остановить движеніе нашихъ войскъ, но всякій разъ терпѣли неудачу. Пекинъ былъ близокъ. 30-го іюля на горизонтѣ показались стѣны таинственнаго города.

IX.

Штурмъ Пекина.

Китайцы называютъ Пекинъ священнымъ городомъ. Пекинъ лежитъ по серединѣ ровной степи, съ двухъ сторонъ стѣсненной горами. Городъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, окруженныхъ особыми стѣнами — китайскаго города и манчжурскаго города. Стѣны обоихъ городовъ построены очень давно и удивительно прочны и крѣпки. Стѣна манчжурскаго города тянется на 21 версту, имѣетъ въ высоту семь сажень и болѣе $5^1/_2$ сажень толщины. Даже самымъ большимъ орудіямъ не подъ силу одолѣть такія стѣны. Стѣны китайскаго города тоньше, но все-таки не могутъ быть пробиты снарядами даже и дальнобойныхъ пушекъ. Внутри манчжурскаго города за особой весьма толстой стѣной помѣщается императорскій городъ. Въ немъ находятся сады и мастерскія богдыхана и, наконецъ, опять за особою стѣною стоятъ священныя зданія, дворцы и кумирни—это мѣсто называется у китайцевъ запрещеннымъ, или пурпуровымъ городомъ. Въ стѣнахъ манчжурскаго города продѣлано девять воротъ, въ китайскомъ городѣ есть шесть воротъ—трое идутъ въ манчжурскій городъ и трое въ степь. Въ манчжурскомъ городѣ находятся и дома посланниковъ. Тамъ у стѣнъ императорскаго города собрались боксеры, чтобы овладѣть посольствами.

Взять этотъ городъ должны были русскіе войска. Не было у нихъ ни лѣстницъ, чтобы перелѣзть высокія стѣны Пекина, не было тяжелыхъ осадныхъ орудій, но за то

была львиная храбрость, цѣпкость и вѣра въ силу Божію, увѣренность въ томъ, что **люди, а не стѣны образуютъ крѣпости.**

Въ 4 часа утра 1-го августа посланники услышали отдаленные пушечные выстрѣлы, доносившіеся откуда-то извнѣ города. Они догадались, что это стрѣляли освободители, и радость наполнила ихъ сердца...

Это же сообразили и солдаты генерала Дунфусяна и, бросивъ осаду посольства, побѣжали къ воротамъ, въ которые уже входили русскіе.

Первымъ появился въ Пекинѣ русскій авангардъ генерала Василевскаго. Онъ подошелъ въ 1 часъ ночи къ воротамъ, ведущимъ въ китайскій городъ, и, увидавъ ихъ запертыми приказалъ своей артиллеріи разгромить ихъ.

При свѣтѣ луны два орудія опередили пѣхоту и подъѣхали на 15 шаговъ къ воротамъ. Стрѣлковыя цѣпи разсыпались вправо и влѣво. По нимъ и по артиллерійской прислугѣ китайцы, разсыпавшіеся по стѣнамъ открыли живой огонь.

— „Ладно“,—говорили солдаты.—„Ишь затрещалъ, словно дѣло дѣлаешь! Знаемъ мы твою стрѣльбу, не разъ видали, въ упоръ не попадешь. Вотъ погоди тебя изъ орудія шарпнетъ, что запоешь тогда...“

Прозвучала команда; фейерверкеръ торопливо сказалъ „пли“, и металлическій снарядъ съ трескомъ ударилъ въ прочныя ворота. За первымъ выстрѣломъ раздался второй, потомъ третій; одна изъ гранатъ удачно попала въ замокъ воротъ священнаго города и они разлетѣлись въ куски.

„Ура“ закричали стрѣлки и артиллеристы и генералъ Василевскій съ полковникомъ Модлемъ первые вошли въ ворота китайскаго города. Они знали, что за воротами находится, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ китайцевъ, но русскіе не спрашивали сколько враговъ и кинулись въ городъ. Китайцы, занимавшіе башню надъ воротами быстро покинули ее и русскіе стрѣлки взобрались на нее. Въ

2 часа ночи русскій флагъ торжественно взвился на флагштокѣ надъ воротами.

Быстро прошли стрѣлки черезъ улицы китайскаго города и подошли къ громадной стѣнѣ манчжурскаго города.

За этой стѣной, болѣе толстой, нежели многіе большіе городскіе дома, находились посланники. Тамъ была цѣль всего похода. На стѣнѣ и на четырехъ-этажной башнѣ, возвышавшейся надъ воротами залегли китайцы и тамъ были тоже орудія. Верхушки стѣнъ казались живыми отъ многихъ тысячъ китайцевъ, лежавшихъ тамъ. Была ночь. Луна серебрила крыши башенъ надъ воротами, освѣщала таинственныя стѣны и улицы, по которымъ приближались роты стрѣлковъ. Началась перестрѣлка. И по мѣрѣ того, какъ разсвѣтъ дѣлалъ предметы болѣе ясными, чаще и чаще попадали пули китайцевъ и роковой крикъ „посилки!“ слышался въ рядахъ. Разгорался бой въ улицахъ. Разсвѣло. Солнце стало пропекать сквозь рубахи. Потъ высыхалъ и снова появлялся, его капли застилали глаза и мѣшали стрѣлять. А сзади слышался мѣрный топотъ ногъ, наши главныя силы вступали въ городъ.

По подставленнымъ телѣгамъ, по крышамъ домовъ, черезъ слуховыя окна, съ ближайшихъ деревьевъ стали карабкаться наши солдаты на стѣну... Войска Дунфусяна заперлись въ башнѣ и изъ нея стрѣляли во всякаго, кто появлялся на вершинѣ стѣны. Съ сосѣднихъ стѣнъ и башенъ раздавались тоже выстрѣлы. Генералъ Василевскій приказалъ втащить на стѣну пулеметъ. И вотъ подъ перекрестнымъ огнемъ китайцевъ, на веревкахъ и на рукахъ былъ поднятъ на стѣну пулеметъ и его выстрѣлы быстро прогнали со стѣны наступавшія на нашихъ стрѣлковъ толпы боксеровъ,

— „Важно! Такъ-то! Вотъ это ловко!“ — говорили стрѣлки, видя какъ бѣжали боксеры, направляясь къ башнямъ.

....„Генералъ Васильевскій съ полковникомъ Мозлемъ первые вошли въ ворота китайскаго города"...

Но положеніе нашихъ ротъ было тѣмъ не менѣе тяжелое. Пули китайскихъ стрѣлковъ шлепали въ стѣну города и со страшнымъ визгомъ носились вокругъ. Ихъ визгъ заглушалъ команды и приказанія и среди ночного мрака производилъ ужасное впечатлѣніе. Мы теряли людей почти ежеминутно. Въ это время наши главныя силы вступили въ городъ. Имъ тоже не легко пришлось у входа въ ворота. 10-й стрѣлковый полкъ подтягивался къ стѣнамъ. Командиръ его полковникъ Антюковъ прошелъ подъ навѣсъ, чтобы подписать донесеніе. Въ это время въ палатку влетѣла граната, разбила вдребезги солдата, и осколкомъ разорвала голову полковнику Антюкову, онъ тутъ же на глазахъ у своего полка упалъ мертвый. Смерть его была мгновенная.

Орудія нашей артиллеріи были ввезены на рукахъ въ городъ, 2-я и 3-я роты 10-го полка обстрѣливали китайцевъ на стѣнѣ манчжурскаго города, 5-я и 8-я штыками выбивали китайцевъ, стрѣлявшихъ изъ домовъ. Было нестерпимо жарко. Солдаты изнемогали отъ солнечныхъ лучей, отъ голода, жажды и безсонныхъ ночей. Почти недѣлю они плохо ѣли и пили, дѣлали по ночамъ громадные переходы, сражались съ китайцами и не знали что такое сонъ. Въ рубашкахъ, которыя некогда было выстирать, бурыхъ и закорузлыхъ отъ пыли и грязи, загорѣлые и запыленные они напрягали послѣднія силы.

— Теперь, братъ, или возьми, или умри, — говорили стрѣлки — отдыхъ нуженъ, а какъ не возьмешь городъ, гдѣ отдыхать!

— Возьми только городъ и господа сказываютъ—китаецъ самъ замиренія запроситъ. И русскіе стрѣлки рѣшили во что бы то ни стало взять городъ.

Въ 10 часовъ утра мы потеряли начальника авангарда генерала Василевскаго. Онъ былъ вездѣ, гдѣ была опасность. Проходя по стѣнѣ онъ былъ раненъ въ грудь на вылетъ. Два стрѣлка бросились, чтобы поднять генерала, но оба тутъ же были ранены. Прибѣжало двое другихъ

и одинъ былъ раненъ. Наконецъ съ помощью одного газетнаго корреспондента г. Янчевецкаго удалось положить генерала у бойницы, на голыхъ камняхъ. Тутъ, несмотря, на огонь, пробрался къ нему докторъ Петерсонъ и перевязалъ ему рану. Но перенести Василевскаго въ другое мѣсто не было возможности и онъ лежалъ подъ знойными лучами солнца, слыша кругомъ выстрѣлы и видя разгорающійся бой.

Дружный огонь стрѣлковъ и выстрѣлы нашей артиллеріи, вырывавшей цѣлые ряды защитниковъ стѣнъ манчжурскаго города, устрашили китайцевъ и въ 11 час. утра стрѣльба въ манчжурскомъ городѣ вдругъ стихла и на стѣнѣ появились бѣлые флаги. Китаецъ просилъ пардона. Генералъ Леневичъ со 2, 3, 5 и 8-й ротами 10-го полка направился къ воротамъ. Но китайцы быстро убрали бѣлые флаги и перестрѣлка возобновилась. Однако не надолго. Наши орудія такъ мѣтко осыпали стѣны манчжурскаго города гранатами и шрапнелями, что китайцы принуждены были замолчать и снова тамъ и сямъ появились бѣлые флаги. Выстрѣлы стали рѣже, но не смолкли совсѣмъ. Генералъ Леневичъ перешелъ подъ огнемъ по мосту къ воротамъ и вступилъ въ священный городъ. Около 2-хъ часовъ перестрѣлка окончилась и наши и иностранные патрули разбрелись по городу.

Освободительный отрядъ вошелъ въ улицу посольствъ. Ихъ встрѣтили члены русскаго посольства. Матросы лейтенанта Радена были въ новыхъ рубахахъ чистые и вымытые, такъ же чисто были одѣты и слуги посланниковъ и сами посланники. Они казались совсѣмъ не видавшими войны, въ сравненіи съ залитыми потомъ и кровью, черными отъ загара, обросшими бородами стрѣлками освободителями. Но это была только внѣшность. Лица всѣхъ были блѣдны и худы, глаза глубоко ввалились и выражали тоску. Весь видъ этихъ несчастныхъ страдальцевъ былъ ужасенъ. Но еще тяжелѣе было видѣть нѣсколько свѣжихъ могилъ и даже дѣтскихъ могилокъ, возвышав-

шихся тамъ и тамъ на дворѣ и безмолвно свидѣтельствовавшихъ о томъ, какой ужасъ здѣсь происходилъ послѣдніе мѣсяцы.

Мы потеряли въ этомъ славномъ бою кромѣ убитаго полковника Антюкова и раненаго генерала Василевскаго еще трехъ офицеровъ ранеными и 20 стрѣлковъ убитыми и 102 ранеными.

Китайскій Императоръ, Императрица и принцъ Туанъ бѣжали при первыхъ выстрѣлахъ освободительнаго отряда.

Пекинъ былъ занятъ, благодаря дружному натиску союзныхъ войскъ и, главнымъ образомъ, русскихъ и японцевъ. Русскіе первые вошли въ городъ, русскіе спаряды пробили входъ въ Священный городъ и русскимъ по праву принадлежитъ честь и слава взятія столицы Китайской Имперіи. Тяжелый двухъ-мѣсячный походъ былъ оконченъ. Приказъ Царя — освободить посольства былъ выполненъ скоро и точно. Мужество русскихъ войскъ было выше похвалы.

Генералъ Леневичъ исполнилъ свой долгъ. И согласно приказа Государя наши войска расположились въ Пекинѣ и начали очищать его отъ разбойническихъ шаекъ, бродившихъ по городу.

X.

Парадъ союзныхъ войскъ въ Пекинѣ.

Черезъ двѣ недѣли городъ былъ очищенъ отъ мятежниковъ. Нѣкоторые мирные китайцы вернулись въ свои дома. Начали появляться и купцы. Генералъ Леневичъ назначилъ войскамъ прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ черезъ Императорскій и пурпуровый городъ. Весь отрядъ собрался для этого на площади въ Императорскомъ городѣ. Первыми пошли наши герои стрѣлки, бригада генерала Стесселя въ своихъ бѣлыхъ, свѣже вымытыхъ рубахахъ. Всѣ иностранцы, собравшіеся здѣсь кричали ура! нашимъ солдатамъ; за русскими шли маленькіе японцы въ бѣлыхъ курткахъ и бѣлыхъ фуражкахъ съ желтыми околышами. Снова громкое ура! — въ честь храбрыхъ японскихъ солдатъ.

За японцами шли англійскія, индѣйскія войска. Громаднаго роста, отлично сложенные, красиво одѣтые они дружно кричали ура, въ отвѣтъ на ура нашихъ стрѣлковъ. Далѣе торжественно маршировала англійская пѣхота и артиллерія въ курткахъ коричневаго цвѣта и въ шлемахъ изъ пробки. Такъ же одѣты были и американцы, тоже громадные и красивые. На американцахъ вмѣсто шлемовъ были надѣты мягкія штатскія шляпы съ широкими полями. Затѣмъ шли въ синихъ курткахъ и шляпахъ французы, потомъ нѣмцы въ курткахъ и шлемахъ коричневаго, шоколаднаго цвѣта и сзади всѣхъ итальян-

скіе и австрійскіе матросы. Нашъ оркестръ игралъ гимны проходящихъ войскъ.

Китайскіе сановники угощали во дворцѣ офицеровъ-побѣдителей сластями и чаемъ. Послѣ парада генералъ Леневичъ и его свита осмотрѣли богдыханскую молельню и древнюю кухню богдыхана, и затѣмъ дворцы были заперты и караулы разныхъ націй поставлены ихъ охранять.

Улица въ Пекинѣ.

Вскорѣ въ Пекинъ пріѣхалъ главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ и 25 августа произвелъ новый смотръ войскамъ. На другой день, онъ осмотрѣлъ желѣзную дорогу, которую чинили наши саперы, и вышелъ на бивакъ 12-го стрѣлковаго батальона, тамъ къ этому времени были собраны всѣ солдаты и казаки, представленные къ знакамъ отличія Военнаго Ордена за подвиги подъ Тянь-Цзинемъ, Бейтаномъ, Янцуномъ и при взятіи Пекина. Адмиралъ благодарилъ героевъ за храбрость и передалъ имъ кресты. Всего было роздано: 9-му полку—64 креста: 10-му—91, 12-му—16, саперамъ — 18, артиллеристамъ — 34, казакамъ— 24 и 5-му полку—14.

Нашему отряду приказано было охранять порядокъ

„Парадъ союзныхъ войскъ“.

въ своемъ кварталѣ. Иностранныя войска ходили въ окрестности Пекина и уничтожали шайки боксеровъ. Наши въ этихъ поискахъ не принимали участія. Государь Императоръ въ безконечной добротѣ своей приказалъ солдатамъ избѣгать всякаго лишняго кровопролитія, а наказывать боксеровъ нашелъ лишнимъ, „ибо не вѣдали тѣ, что творили!“. Нашимъ войскамъ приказано было лишь обезпечить наши владѣнія на Квантунскомъ полуостровѣ, прогнать шайки боксеровъ далѣе отъ Портъ-Артура и охранить желѣзную дорогу отъ Таку до Пекина.

XI.

Прибытіе войскъ изъ Европейской Россіи.— Взятіе Бейтана.

Никто въ Россіи не ожидалъ, что усмиреніе китайскихъ мятежниковъ будетъ такъ скоро закончено. Первыя извѣстія изъ Китая были очень грозны. Писали, что Китай волнуется, что отовсюду движутся вооруженные отряды китайскихъ войскъ, что оружіе у китайцевъ скорострѣльное, а пушки дальнобойныя. Нужно было быть готовымъ дать мощный отпоръ наступающимъ китайцамъ, обезпечить китайскую дорогу и охранить наши земли на дальнемъ востокѣ. А для этого войскъ Пріамурскаго округа было бы слишкомъ недостаточно. И вотъ по повелѣнію Государя въ іюлѣ мѣсяцѣ стали собираться войска изъ Сибири и наши стрѣлки изъ Одессы.

Въ Одессѣ квартируетъ 4-я стрѣлковая бригада, состоящая изъ четырехъ стрѣлковыхъ полковъ—13, 14, 15 и 16-го. Эта бригада въ послѣднюю войну съ турками ходила съ генераломъ Гурко, дралась на Шипкѣ и такъ стойко держалась противъ турецкаго огня, что получила названіе „Желѣзной“ бригады. Приказъ желѣзной бригадѣ собираться въ походъ пришелъ въ началѣ іюля, когда люди были отпущены на вольныя работы. Живо облетѣла роты радостная вѣсть,—что онѣ идутъ въ походъ. Люди собрались въ Одессу. Пошли между солдатами бесѣды.

— „Ну, братцы“, — говорилъ стрѣлокъ, сидя подъ акаціей на ротномъ дворѣ, обращаясь къ окружавшимъ его солдатамъ полковъ 15-й дивизіи, не назначенной въ походъ и потому съ завистью смотрѣвшей на своихъ сосѣдей стрѣлковъ — „и напьемся же мы въ Китаѣ, этомъ самомъ, чаю. Не какого-нибудь, какъ здѣсь пересушенаго, а прямо съ дерева. Сорвешь листочковъ, да и пей сколько хошь“.

Китайская пѣхота.

— „А воевать то какъ будете?“, — спрашиваетъ солдатъ у стрѣлка.

— „А очень даже просто. Драть китайца буду, какъ бабу—потреблю за косу, тутъ ему и капутъ“.

— „Уже вы, земляки, не забывайте насъ одесскихъ-то. Поди зазнаетесь на войнѣ“.

— „Ну, что ты! Да я тебѣ, Гаврила, отберу въ Китаѣ пару бабъ, самыхъ, что ни есть лучшихъ“... По-

тому",—обратился стрѣлокъ ко всѣмъ—„Гаврило то ваш до бабъ очень охочъ"...

Веселый смѣхъ покрылъ слова разсказщика. А въ ротахъ кипѣла мобилизаціонная работа. Вмѣсто запасныхъ пришли солдаты изъ 15-й дивизіи. Хотѣли туда брать только охотниковъ, да не пришлось. Всѣ оказались охотниками, пришлось отобрать по жребію.

12-го іюля послѣ молебна, простившись съ городомъ и родными стрѣлки погрузились на пароходы Русскаго Общества Пароходства и Торговли, Добровольнаго флота и нѣсколько иностранныхъ пароходовъ нанятыхъ начальствомъ для перевозки стрѣлковъ моремъ въ Портъ-Артуръ. Плыть предстояло стрѣлкамъ черезъ жаркія моря, мимо турецкихъ земель, Палестины, мимо индѣйскихъ земель, мимо Китая. Для стрѣлковъ, внизу парохода были сдѣланы большія залы и въ нихъ устроены нары въ два яруса. На верху устроена кухня съ отдѣльными котлами на каждую роту, тамъ же поставлены были и большіе мѣдные чайники для чая. Въ верхней части парохода помѣстились врачи, сестры милосердія и офицеры. Всего на каждый пароходъ грузилось около 1000 человѣкъ.

Жутко первое время было стрѣлкамъ оставаться на пароходѣ среди безграничнаго простора морского. Давно намъ не приходилось дѣлать морского похода. И хоть болѣе привыкли стрѣлки пѣшкомъ ходить по землѣ, они и на водѣ не унывали. Какъ только размѣстились внизу, фельдфебели повѣрили своихъ людей, осмотрѣли помѣщенія, люди потянулись наверхъ, на вольный воздухъ, любоваться синимъ моремъ, смотрѣть какъ прыгаютъ морскіе звѣри, дельфины, какъ убѣгаетъ вдаль желтая полоска русскаго берега. Глядишь — кто-то и бубенъ принесъ, гармонистъ духомъ слеталъ за гармоникой, запѣвало собралъ пѣсенниковъ въ кружокъ и понеслись по чужому морю-океану—„пѣсни русскія живыя, не нѣмецкія!" И когда вѣтеръ становился свѣжѣе и съ грознымъ шумомъ и шипѣньемъ переваливался пароходъ

съ бока на бокъ, стрѣлки не робѣли. Для русскаго солдата все ничего—и буря, и морозъ, и жара и выстрѣлы непріятеля,—онъ присягалъ терпѣть всякія нужды солдатскія и шутя, безъ жалобы, безъ ропота снесетъ все...

Кромѣ 4-й стрѣлковой бригады, также плыли и ѣхали по желѣзной дорогѣ на дальній востокъ 3-я и 5-я стрѣлковыя бригады, ихъ артиллерія, нѣсколько саперныхъ батальоновъ и одна гвардейская батарея Л.-Гв. артиллерійскаго стрѣлковаго дивизіона изъ Петербурга. Всѣ эти части, однако, не поспѣли прибыть во время. Раньше другихъ стала подходить къ Портъ-Артуру желѣзная бригада. Первыя роты ея высадились 24 августа въ Портъ-Артурѣ.

Пекинъ былъ взятъ. Посланники свободны. Государь Императоръ, желая показать китайцамъ что Онъ не желаетъ притѣснять ихъ, что Онъ по прежнему милостиво смотритъ на своихъ сосѣдей, даже и тогда, когда они не въ мѣру стали бунтовать, — приказалъ нашимъ войскамъ покинуть Пекинъ. Тамъ осталась только маленькая стража при посланникѣ, остальныя же войска перешли 31 августа въ Тянь-Цзинь.

Карта Печелійскаго округа отъ Таку до Пекина.

Желѣзная дорога отъ Таку до Пекина была починена русскими саперами и желѣзнодорожный русскій батальонъ несъ на ней службу. Охранять ее нужно было тоже русскимъ. А между тѣмъ серьезная опасность грозила самому корню ея, начальной станціи и морской пристани Таку. Боксеры, бѣжавшіе изъ Тянь-Цзиня и Пекина стали въ большихъ силахъ собираться въ крѣпости Бейтанъ, ле-

жащей всего въ 15-ти верстахъ отъ Таку. Такое сосѣдство намъ не могло быть удобно и адмиралъ Алексѣевъ приказалъ прогнать боксеровъ изъ Бейтана. Для этого собрался отрядъ изъ батальоновъ 6-го, 7-го, 12-го восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ и 2-хъ рот 10-го полка, 3 батареи, два эскадрона Приморскаго драгунскаго полка, 3 сотни Забайкальскихъ казаковъ, команда саперъ, батальонъ нѣмцевъ и полтора батальона французовъ и австрійцевъ. Этими войсками командовалъ нашъ генералъ Штакельбергъ.

Вечеромъ 6-го сентября войска эти собрались подъ Бейтаномъ. Передовая наша колонна полковника Минаева увидала, что дорога, ведущая къ Бейтану, перекопана, а кругомъ сдѣлано наводненіе.

Вечерѣло. Охотники 6-го и 7-го полковъ вмѣстѣ съ саперами пошли изслѣдовать перекопы. Проваливаясь по поясъ и по грудь въ воду, пробирались наши солдаты впередъ. Каждые нѣсколько шаговъ былъ сдѣланъ перекопъ. Всѣхъ перекоповъ оказалось 10, а за ними былъ сдѣланъ окопъ, уже занятый китайцами. Положеніе становилось труднымъ.

Солнце скрылось за далекія горы, тѣни исчезли, быстро наступала темнота. Прибывшій къ отряду начальникъ колонны генералъ Церпицкій приказалъ исправить дорогу и продолжать наступленіе. Саперы и стрѣлки взялись за лопаты и скоро закидали перекопы землей, камнями и хворостомъ. Наши продолжали наступленіе. Но не прошли они и нѣсколько шаговъ, какъ громадный взрывъ швырнулъ въ нашихъ стрѣлковъ цѣлую кучу камней. Два офицера и нѣсколько солдатъ были ранены, нѣкоторые отброшены въ воду. Идти по узкой дорогѣ становилось дѣломъ нелегкимъ. Темнота между тѣмъ наступила, и наша колонна молча продолжала наступленіе. Новые взрывы минъ, подведенныхъ подъ дорогу опять остановили наступленіе стрѣлковъ. Въ то же время китайцы начали ружейную и пушечную пальбу. Но наши охотники не растерялись. Нѣсколько человѣкъ бросились

въ воду. Оказалось неглубоко, по поясъ и по грудь. И вотъ, чтобы не терпѣть напрасно отъ огня боксеровъ и отъ взрывовъ, вся колонна свернула въ воду и молча, безъ выстрѣла пошла туда, гдѣ сверкали выстрѣлы китайскихъ орудій и ружей... Слышно было только, какъ журчала и переливалась вода за наступавшими въ ней солдатами.

По морю, аки по суху, шли наши стрѣлки. Вотъ и первые окопы. Безъ выстрѣла, съ однимъ лишь восторженнымъ русскимъ ура! бросились солдаты въ штыки. Китайцы не выдержали этого натиска и обратились въ бѣгство. Но за китайскимъ лагеремъ лежалъ широкій и глубокій каналъ. Было совсѣмъ темно. Лѣзть въ каналъ было рисковано. Стрѣлки остановились и стали передѣлывать окопъ по своему, для своей обороны.

Ночью по расчищенной и исправленной саперами дорогѣ подошла наша мортирная батарея и устроила для себя окопъ. Войска подтягивались. Китайцы всю ночь безпокоили стрѣлковъ своими нападеніями на нашъ окопъ, но солдаты всякій разъ легко отбивали ихъ однимъ ружейнымъ огнемъ. Никто не спалъ въ эту тяжелую ночь, послѣ похода по водѣ. Мокрые, продрогшіе, усталые солдаты въ минуту нужды забывали усталость и невзгоды похода, быстро разсыпались по гребню укрѣпленія и мѣткимъ огнемъ отбрасывали зарвавшихся китайцевъ. Едва изъ-за моря потянулъ свѣжій вѣтеръ и валы стали обрисовываться на посвѣтлѣвшемъ небѣ, наши орудія начали стрѣлять. Въ шестомъ часу утра прибылъ на позицію главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ. Нашимъ войскамъ очень сильно вредило одно дальнобойное китайское орудіе, стоявшее на выступѣ крѣпости.

— „Ну, ребята, кто собьетъ эту пушку, тому георгіевскій крестъ“—сказалъ наводчикамъ Алексѣевъ...

Не прошло и пяти минутъ, какъ пушка замолчала. Кто попалъ только въ нее? Послѣдними стрѣляли одновременно русскіе и нѣмцы. Чтобы узнать, чей снарядъ былъ тамъ, нужно было взять эту пушку.

Въ 10 часовъ утра наши солдаты прекратили стрѣльбу и стали сбѣгать въ каналъ.

Штурмъ Бейтана начался.

Дно канала было илистое, скользкое, солдаты падали, вставали и, залѣпленные грязью, шли впередъ. Иные теряли сапоги въ илѣ, но бодро шли безъ сапогъ, не первый разъ русскому человѣку босикомъ ходить! Пѣсенники пѣли пѣсни, барабанщики и горнисты играли марши и подъ бодрящіе звуки этихъ маршей и пѣсень солдаты лѣзли на страшную крѣпостную кручу.

Передовыя укрѣпленія были заняты. Артиллерія нѣсколькими удачными залпами нанесла сильный уронъ главному укрѣпленію за рѣкою. Охотники и 3 рота бросились черезъ рѣку и китайцы, не дождавшись штурма, покинули послѣдніе форты.

Прибѣжали къ орудію, за сбитіе котораго былъ обѣщанъ георгіевскій крестъ и наводчики. Два снаряда засѣли въ немъ и испортили его:—русскій желтый, и нѣмецкій—голубой. Не осрамились наши передъ иноземцами.

Къ полудню все было кончено. Громадная китайская крѣпость занята нами. Въ ней мы нашли: 34 тяжелыхъ орудія новыхъ системъ, 30 полевыхъ пушекъ и пулеметовъ и болѣе 50 старыхъ орудій. Много было въ крѣпости также ружей, сабель, снарядовъ, патроновъ и пороха.

Мы потеряли 4-хъ стрѣлковъ убитыми, ранеными генерала Церпицкаго, штабсъ-капитана Кошкина, поручиковъ Андреева и Глассопа, корнета принца Хаиме Бурбонскаго, капитана Елгаштина и подпрапорщика Ягна. Стрѣлковъ было ранено 39 человѣкъ.

XIII.

Окончаніе военныхъ дѣйствій подъ Пекиномъ.

Китаянка съ ребенкомъ.

Послѣ взятія Бейтана отрядъ генерала Церпицкаго пошелъ дальше по желѣзной дорогѣ, вдоль морского берега и прогналъ мятежниковъ изъ этой части Печелійской провинціи. Прибывшіе сюда изъ Одессы стрѣлки уже не нашли себѣ работы и приняли лишь участіе въ походѣ для освобожденія отъ боксеровъ вѣтки желѣзной дороги между Мукденомъ и Портъ-Артуромъ.

Весь край, занятый русскими войсками, успокаивался. Не было нужды держать дольше войска въ Печелійской провинціи. Посланникъ нашъ былъ свободенъ и находился въ Тянь-Цзинѣ. Нѣмецкія и англійскія войска дѣлали поиски для наказанія мирныхъ китайцевъ. Ими командовалъ нѣмецкій генералъ графъ Вальдерзее. Намъ нечего было тамъ дѣлать. Въ октябрѣ царь приказалъ сдать Пекинскую желѣзную дорогу подъ охрану нѣмцамъ, а нашимъ войскамъ уходить обратно

въ Россію. Стрѣлки, прибывшіе изъ Россіи, стали садиться на пароходы въ ноябрѣ мѣсяцѣ и къ новому 1901 году уже прибыли въ Одессу.

„Худой миръ", говоритъ пословица, „лучше доброй ссоры". Нашъ царь не хотѣлъ воевать съ Китаемъ, отбирать у него земли, казнить и наказывать своихъ торгашей сосѣдей. Земли у нашего царя и такъ достаточно и никогда русскій не обижалъ никого. Царь хотѣлъ только помочь своему другу китайскому императору смирить боксеровъ. Но, когда къ боксерамъ примкнули китайскія войска, когда самъ императоръ бѣжалъ изъ Пекина, оставивъ столицу на произволъ судьбы—царь приказалъ оставить китайцевъ въ покоѣ и ждать до тѣхъ поръ, пока не установится у нихъ порядокъ.

Зимою въ разоренномъ войсками Пекинѣ начался голодъ. Нашъ русскій Царь пожалѣлъ жалкихъ, несчастныхъ китайцевъ, умиравшихъ на улицахъ, безъ одежды, безъ пріюта, безъ пищи. По повелѣнію нашего Государя при Русско-Китайскомъ банкѣ голоднымъ китайцамъ начали раздавать рисъ и русскій Царь кормилъ ежедневно до 10,000 голодныхъ китайцевъ безъ разбора христіанъ и язычниковъ. Тысячи бѣдняковъ получили отъ русскаго государя теплую одежду и были спасены отъ морозовъ. Русскіе дѣйствовали въ Пекинѣ по завѣту Христову и прощали враговъ своихъ и ненавидящихъ...

И какъ ни глупъ былъ китаецъ, какъ ни увлекался онъ войною, онъ скоро понялъ, что не воевать ему съ Россіей, а дружить и крѣпко дружить было нужно.

Вотъ что говорили послѣ ухода русскихъ войскъ изъ Пекина старшины боксеровъ:—„мы до сихъ поръ считали русскихъ за храбрецовъ, дружили съ ними, но дѣйствія ихъ во время осады фортовъ Таку и при дальнѣйшемъ наступленіи ихъ отрядовъ заставили измѣнить наши взгляды на нихъ; мы предполагали, что они желаютъ овладѣть нашею землею. Но теперь, когда мы узнали, что они уводятъ свои войска изъ нашей столицы и не

преслѣдуютъ завоевательныхъ цѣлей, въ нашемъ сердцѣ опять запѣла птичка, указывающая нашему народу на русскихъ, какъ на самыхъ близкихъ нашихъ друзей. Пусть они будутъ увѣрены, что китайцы помнятъ и доброе и злое, и вѣрятъ, что вражды между двумя великими сосѣдними народами не будетъ больше существовать...“

Такъ кровопролитная война, стоившая намъ много жизней, а нашему врагу еще большихъ потерь, послужила лишь къ скрѣпленію мира, къ самымъ тѣснымъ дружескимъ отношеніямъ. Еще разъ и дорогой цѣною убѣдились китайцы, что у нихъ нѣтъ друзей кромѣ русскихъ. Они узнали и силу и мощь русскаго воинства, узнали, что скорострѣльныя нѣмецкія пушки не остановятъ русскаго солдата, а необъятныя, подобныя горамъ, стѣны не защитятъ китайца отъ русскаго штурма. Среди европейскихъ войскъ русскіе всегда были впереди и это твердо врѣзалось въ памяти китайцевъ и, какъ раньше выдѣляли они русскихъ, какъ людей справедливыхъ, такъ теперь они преклонились и передъ русскою храбростью.

Такія послѣдствія имѣли подвиги русскихъ войскъ подъ Пекиномъ, въ Печилійской провинціи, не меньше принесли пользы Россіи и тѣ наши отряды, которые были посланы, чтобы защищать русскую желѣзную дорогу въ Манчжуріи отъ нападеній китайскихъ грабителей.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

Защита Восточно-Китайской дороги.

XIII.

Боксеры нападаютъ на Манчжурскую желѣзную дорогу.

По сосѣдству съ нашей границей на Дальнемъ Востокѣ лежитъ подчиненная Китаю область — Манчжурія. Манчжуры народъ монгольскій, видомъ похожіи на китайцевъ; земля въ Манчжуріи плодородная, большею частью черноземная; мѣстность: степи, тамъ и тамъ прорѣзанныя горами. Подлѣ горъ растутъ большіе лѣса. Деревья: черная береза,—похожая на нашу, только съ темнымъ стволомъ и покудрявѣе, шиповникъ, таволга, ильмъ, ольха, дубъ и вязъ. Сами манчжуры народъ трудолюбивый, земледѣльческій. Сѣютъ они пшеницу, ячмень, овесъ и кунжутъ, растеніе видомъ похожее на бобы, изъ котораго манчжуры добываютъ кунжутное масло. Дома ихъ похожи на наши, крыты соломой и обнесены тыномъ. Подлѣ деревень есть огороды съ капустой, огурцами и тыквой. Деревни попадаются довольно часто, есть и большіе, богатые города—Цицикаръ, Гиринъ и Мукденъ.

По договору нашему съ Китаемъ намъ разрѣшено было вести черезъ эту землю желѣзную дорогу отъ города Абагайтуя на Владивостокъ и Портъ Артуръ. Чтобы манчжурскіе разбойники насъ не безпокоили, по линіи желѣзной дороги была поставлена охранная стража. Всею охранной стражей командовалъ генералъ-маіоръ Герингроссъ. Инженеры и десятскіе, строившіе дорогу поселились по линіи, въ городахъ Хайларѣ, Цицикарѣ, Харбинѣ, Тѣлинѣ и на станціяхъ, которыя уже были построены. Путь желѣзной дороги тоже былъ намѣченъ, мѣстами были по-

ложены уже и рельсы и всѣ станціи соединены телеграфомъ.

Въ Манчжуріи слыхали объ обществѣ Большого Кулака, о боксерахъ, доходили слухи о нападеніи на европейцевъ и разрушеніи католическихъ и лютеранскихъ храмовъ. Но то были европейцы—враги китайцевъ, а среди манчжуровъ жили и работали русскіе, всегда ласковые и добрые и Манчжурія не волновалась. Губернаторы манчжурскихъ городовъ „дзянь-дзюни“ ѣздили въ гости къ нашимъ инженерамъ и офицерамъ охранной стражи, завѣряли нашихъ въ своей дружбѣ, а боксеровъ называли негодяями. И наши ѣздили къ дзянь-дзюнямъ въ гости, всюду встрѣчали почетъ и уваженіе, и нигдѣ не видали ни войскъ, ни орудій, никакихъ приготовленій къ войнѣ.

Въ маѣ въ Пекинѣ уже началась осада посланниковъ; въ первыхъ числахъ іюня наши войска брали штурмомъ Таку и шли на Тянь-Цзинь, а въ Манчжуріи подъ палящими лучами солнца, подъ руководствомъ русскихъ инженеровъ работали китайцы, укладывая рельсы, забивая сваи, насыпая и прокапывая между горъ желѣзнодорожный путь.

22-го іюня вдругъ произошла перемѣна въ отношеніи къ намъ манчжурскихъ губернаторовъ. По Манчжуріи пронеслась вѣсть о томъ, что китайскій богдыханъ объявилъ войну Россіи. Дзянь-дзюни стали собирать войска, вооружать ихъ разнокалиберными ружьями. Отдѣльнымъ отрядамъ приказано было разрушать желѣзную дорогу. Дзянь-дзюни убѣдительно просили русскихъ инженеровъ бросить работы и уѣзжать въ Россію. Главный инженеръ Манчжурской дороги и руководитель работъ по всей линіи г. Юговичъ приказалъ инженерамъ и рабочимъ съ семьями подъ прикрытіемъ охранной стражи стягиваться съ крайнихъ участковъ—къ границѣ Россіи, а изъ середины—къ городу Харбину, гдѣ онъ и самъ укрѣпился и рѣшилъ защищаться отъ нападенія китайскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ

тѣмъ была послана телеграмма въ Россію съ просьбой прислать на желѣзную дорогу войска.

Но едва только русскіе отряды тронулись со станцій, какъ по всей линіи появились китайскія войска. Охранной стражѣ пришлось каждый шагъ добывать себѣ боемъ, терять людей убитыми и ранеными. Съ большимъ трудомъ стянулись въ Харбинъ отряды изъ Цицикара и Тѣлина, туда же прибылъ и начальникъ охранной стражи, генералъ Гернгроссъ.

Уже громадныя силы китайцевъ окружили Харбинъ и дерзко пытались овладѣть русскими укрѣпленіями. Но казаки охранныхъ сотенъ знали свое дѣло. Они отогнали китайцевъ къ водочному заводу вблизи города. Такое сосѣдство было крайне непріятно жителямъ Харбина и войсковой старшина Логиновъ рѣшилъ взять штурмомъ заводъ. Заводъ былъ окруженъ высокою стѣною, за которой спрятались китайцы. Четыре съ половиною сотни стражниковъ быстро подошли къ стѣнамъ завода и съ крикомъ ура! бросились на стѣны. Подъ непрерывнымъ огнемъ китайцевъ наши казаки работали кто топоромъ, кто лопатою, или ломомъ, но стѣны не поддавались.

— „Эхъ, орудію-бы теперь!“ — тужили казаки, но артиллеріи при охранной стражѣ совсѣмъ не было.

— „Плохо браты безъ артиллеріи!“ —говорили люди, стуча топорами въ толстыя стѣны забора.

— „Эхъ вы ротозѣи!“ —крикнулъ на болтавшихъ вахмистръ 15-й сотни Шишовъ—„и не такія стѣны казаки бирали! Ну—кось, айда за мной!“

Казакъ Колѣновъ первый побѣжалъ за нимъ и они, подбѣжавъ къ башнѣ, занятой китайцами, въ упоръ, какъ воронъ съ дерева, ссадили нѣсколькихъ защитниковъ завода. Затѣмъ, закинувъ за спину винтовки они стали карабкаться на стѣну.

— „Глянь-ко, что вахмистръ дѣлаетъ“, крикнулъ урядникъ Невѣровъ, — „чего тутъ топорами стукать, вали черезъ стѣну“—и полѣзъ самъ.

За нимъ полѣзли казакъ Симоновъ, солдатъ Гримизковъ, потомъ полѣзъ сотникъ Фадѣевъ и другіе казаки и солдаты.

Китайцы и стрѣлять перестали, до того испугались. Какъ же было и не испугаться? Англичане, продавая ружья говорили, что это такія ружья, что никто и на версту не подойдетъ, а тутъ русскіе, вотъ вотъ руками брать будутъ!

А охранныя сотни уже посыпались съ забора и съ дружнымъ русскимъ ура! бросились въ штыки на китайцевъ. Китайцы выкатили было орудія, но вахмистры 16-й сотни Жалнинъ и 15-й сотни Шишовъ съ казаками и солдатами не дали и зарядить ихъ. Живо штыками прикончили они прислугу и завладѣли пушками. Тогда китайцы раскрыли ворота и бросились бѣжать изъ завода, но тутъ ихъ обстрѣлялъ залпами хорунжій Косиновъ и многихъ положилъ на мѣстѣ. За бѣглецами поскакалъ поручикъ Доценко съ полусотней седьмой сотни.

Въ 4 часа дня водочный заводъ былъ завоеванъ. Двѣ пушки, пять знаменъ, много ружей и патроновъ, 160 быковъ, полсотни лошадей и большой запасъ продовольствія достался намъ. До 700 китайцевъ легло въ заводѣ, да много еще осталось убитыхъ и раненыхъ на дорогѣ. У насъ убитъ былъ командиръ 15-й сотни штабсъ-ротмистръ Чаленковъ и 4 стражника, ранены командиръ 16-й сотни штабсъ-капитанъ Ржевупкій и 9 стражниковъ.

Орудія, о которыхъ такъ мечтали казаки, были приведены въ порядокъ и поставлены въ Харбинѣ и на другой день съ утра Харбинцы начали отвѣчать изъ нихъ китайскимъ батареямъ.

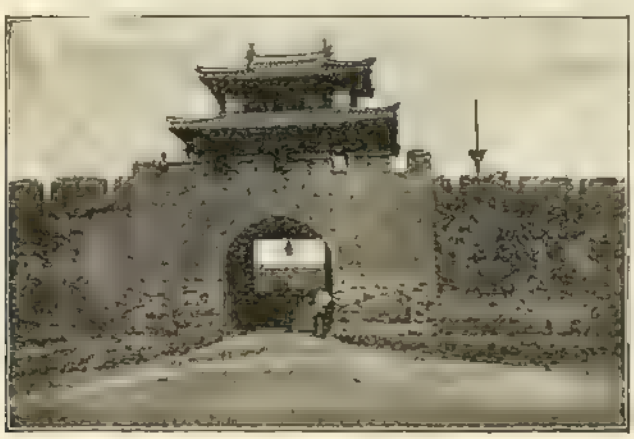
Мужественное поведеніе Харбинскихъ стражниковъ не осталось безъ награды. Когда Государь Императоръ получилъ рапортъ генерала Гернгросса объ этомъ штурмѣ завода онъ Всемилостивѣйше соизволилъ начертать на немъ: „Передать всѣмъ чинамъ охранной стражи Мое душевное спасибо за молодецкую ихъ боевую службу“, а противъ

того мѣста гдѣ говорилось о томъ, что казакъ 3-й сотни Семенъ Шаховцевъ, приговоренный къ отбытію наказанія въ дисциплинарномъ батальонѣ, отличаясь беззавѣтной храбростью, подавалъ примѣръ мужества своимъ товарищамъ и во всѣхъ атакахъ шелъ впереди—Государь начертать соизволилъ:—„простить штрафъ“...

Послѣ взятія водочнаго завода китайцы стали осторожнѣе. Но къ нимъ постоянно подходили подкрѣпленія, а Цицикарскій дзянь-дзюнь, которому писалъ Юговичъ, требуя, чтобы онъ убралъ войска отъ Харбина, упорно молчалъ.

Положеніе нашихъ инженеровъ и всей желѣзной дороги было тяжкое. Ясно было видно, что одной охранной стражѣ, несмотря на отчаянную храбрость ея офицеровъ и казаковъ, не справиться съ возмутившейся Манчжуріей:—нужны были наши войска...

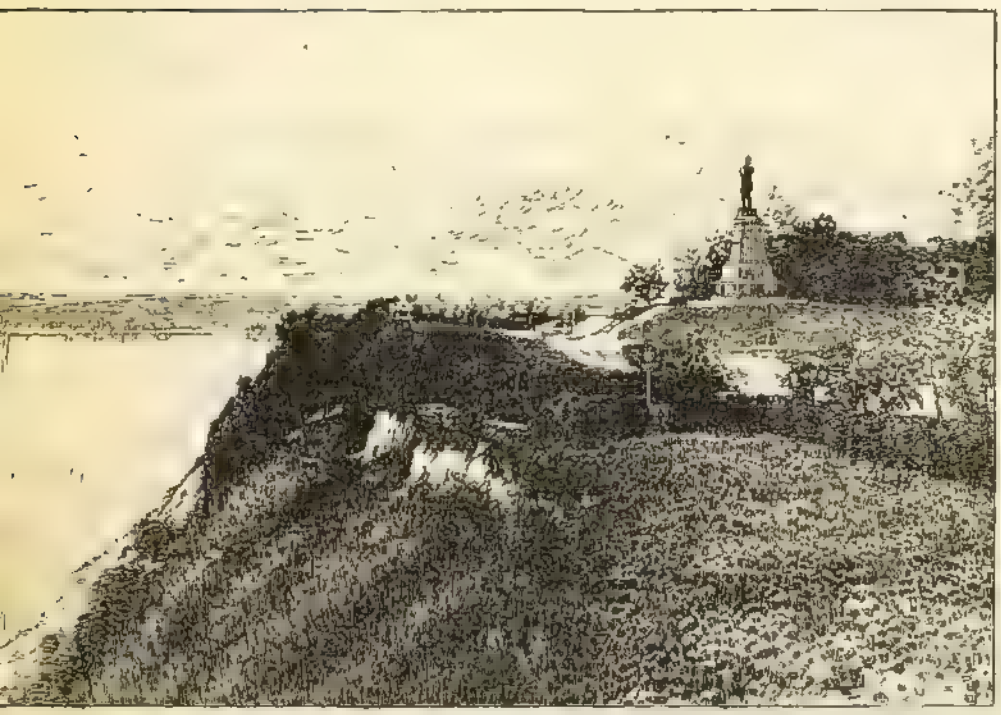
И они шли, наши славные стрѣлки, амурскіе и забайкальскіе казаки, съ шести концовъ спѣшили они на выручку инженеровъ и стражи, на защиту Манчжурской дороги.



Ворота въ Портъ-Артурѣ.

XIV.

Нападеніе на пароходъ «Михаилъ».



Памятникъ гр. Н. Муравьеву-Амурскому, въ г. Хабаровскѣ.

Возмущеніе въ Манчжуріи вспыхнуло быстрѣе пороха. Въ какія нибудь двѣ недѣли всѣ были на ногахъ, всѣ были подъ ружьемъ. Поля были брошены, манчжуры, обыкновенно мирные и тихіе, вдругъ прониклись воинственнымъ духомъ, разбирали ружья и пушки, строили окопы и батареи. Громадный край въ тысячу верстъ въ длину и столько же въ ширину волновался, грозилъ мстить за что то русскимъ и воображалъ, что онъ сумѣетъ справиться съ Россіей и завоюетъ себѣ всю Сибирь. Такъ маленькіе школьники вдругъ подымутъ бунтъ противъ учителя и думаютъ, что школу ради нихъ закроютъ и позволятъ имъ драться и шалить сколько угодно.

Русскіе не придавали особеннаго значенія воинственнымъ выходкамъ манчжуровъ. Хорошо знали сибиряки, какая сила и мощь таится на Руси и понимали, что китайцамъ никогда не поколебать границы земель русскаго Царя. Весь іюнь ходили по рѣкамъ Шилкѣ и Амуру пароходы, перевозили снаряды и порохъ, продовольствіе и повозки для войскъ Приморской области, поставленныхъ на вое́нное положеніе для дѣйствій въ Печелійскомъ округѣ.

И спокойно проходили эти пароходы мимо китайскаго берега, поросшаго сплошнымъ лѣсомъ, причаливали къ нему, запасались дровами и углемъ и шли дальше, почти тысячу верстъ проходя вдоль берега волнующагося непріятельскаго края.

И не было на пароходахъ этихъ ни пушекъ, ни солдатъ. Намъ не зачѣмъ было брать войска. Вѣдь мы не воевали съ Китаемъ. Мы помогали ему справиться съ боксерами -и только. Чего же намъ было опасаться?

И весь іюнь все на нашей границѣ было спокойно.

1-го іюля нашъ пароходъ „Михаилъ“ тянулъ вверхъ по Амуру пять баржъ, нагруженныхъ повозками, снарядами и зарядами.

Онъ шелъ уже нѣсколько сутокъ отъ Хабаровска къ Благовѣщенску. Какія нибудь сорокъ верстъ отдѣляли его отъ этого города. Было ясное теплое утро. Амуръ мягко катилъ свои волны. Прибой отъ парохода съ легкимъ шипѣньемъ разливался по прибрежному песку. Мимо проносились безконечные лѣса, кое гдѣ мелькала бѣдная Манчжурская деревушка. Все было тихо и спокойно.

Вдругъ, въ десять часовъ утра, когда пароходъ подходилъ къ китайскому городу Айгуну, съ китайской стороны раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Пули завизжали вдоль стѣнъ парохода, вскорѣ прогремѣла пушка и ядро, перелетѣвъ черезъ пароходъ, упало въ воду. На берегу толпились китайцы, махали какими то тряпками, требовали остановки парохода. „Михаилъ“ застопорилъ машину и остано-

„...Весь іюнь ходили по рѣкамъ Шилкѣ и Амуру пароходы, перевозили войска на плотахъ“...

вился посрединѣ рѣки. Стрѣльба прекратилась. Отъ берега отчалила лодка съ тремя китайскими офицерами. Они объявили капитану парохода, что Китай находится въ войнѣ съ Россіей и что начальникъ города Айгуна—амбань, запрещаетъ русскимъ пароходамъ ходить по Амуру.

Пока шли переговоры, къ пароходу „Михаилъ“ подошелъ пароходъ „Селенга“; на немъ находился подполковникъ Кольшмидтъ со взводомъ амурскаго казачьяго полка.

— „Что за остановка?“—спросилъ онъ у капитана „Михаила“—тотъ объяснилъ въ чемъ дѣло.

— „Какія глупости! никакой войны нѣтъ. Никто не можетъ запретить русскимъ плавать по Амуру“. Пароходы тронулись. И сейчасъ же затарахтѣли выстрѣлы на китайскомъ берегу и громче и оживленнѣе стала орудійная пальба. По счастью снаряды китайцевъ перелетали, или не долетали до парохода. Но пули порядочно повредили его борта. Подполковникъ Кольшмидтъ и одна казачья лошадь оказались ранеными.

По прибытіи пароходовъ въ Благовѣщенскъ о происшествіи у Айгуна было доложено губернатору этого города генералу Грибскому. Въ Благовѣщенскѣ войскъ было немного:—2-й восточно-сибирскій линейный баталіонъ, 5 ротъ Читинскаго и Стрѣтенскаго полковъ, мѣстная команда, 2-ая батарея 2-й Восточно Сибирской артиллерійской бригады, $^1/_2$ батареи Забайкальскаго казачьяго дивизіона, на пароходѣ „Селенга“ два орудія, да 5 сотенъ казаковъ квартировали частью въ Благовѣщенскѣ, частью въ его окрестностяхъ,—словомъ всего на всего генералъ Грибскій могъ собрать около 1500 солдатъ и казаковъ при 14 пушкахъ... А противъ него по Амуру собирались многія тысячи китайцевъ.

Происходило какое то недоразумѣніе. Полный миръ былъ между Россіей и Китаемъ, а между тѣмъ, китайцы осмѣливались стрѣлять по нашимъ судамъ, дерзко останавливать наши пароходы!

Чтобы узнать въ чемъ дѣло, генералъ Грибскій на

разсвѣтѣ 2-го іюля отправилъ небольшой отрядъ на пароходѣ „Селенга“ къ Айгуну. Сзади шелъ „Михаилъ“. Едва пароходы отошли отъ города Благовѣщенска на 20 верстъ, какъ по нимъ съ китайскаго берега открыли сильный ружейный и пушечный огонь. Наши начали отвѣчать, и на рѣкѣ завязался бой. По всему китайскому берегу были видны окопы, занятые китайцами, до 40 орудій было установлено за ними. Наши двѣ пушки, поставленныя на „Селенгѣ“ дѣйствовали удачно и сбили нѣсколько китайскихъ орудій. 2 солдата на Селенгѣ были убиты, пятеро ранено, раненъ былъ и машинистъ. Пули градомъ сыпались на палубу. Машина была повреждена, и „Михаилъ“ получилъ отъ удара ядромъ пробоину. Бой затягивался. Солнце склонялось къ западу, а ружейная перестрѣлка не смолкала. Вдругъ гдѣ то вдали прогремѣлъ выстрѣлъ изъ пушки и гулко пронесся по рѣкѣ. Еще и еще... Наши прислушались. Выстрѣлы неслись со стороны Благовѣщенска. Китайцы напали на беззащитный, безоружный городъ, не имѣющій ни стѣнъ, ни укрѣпленій, ни достаточнаго числа войска...

Надо было спѣшить назадъ, выручать покинутый городъ...

XV.

Осада Благовѣщенска.

Благовѣщенскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Амура. Это большой городъ, имѣющій много учебныхъ заведеній и школъ, нѣсколько заводовъ и большой соборъ во имя Благовѣщенья. Все лѣто жизнь въ немъ кипѣла, благодаря усиленному подвозу припасовъ въ Хабаровскъ для Владивостока и Портъ-Артура. Въ самомъ городѣ работало много китайцевъ. Китайцы служили, какъ прислуга, были прачками, носильщиками, посыльными. Русскіе привыкли къ нимъ и они къ русскимъ. Противъ Благовѣщенска на правомъ берегу Амура находится китайская деревушка Сахалинъ. Улицы ея грязны, дома построены тѣсно и крыты соломой.

Въ воскресенье 2-го іюля, въ послѣобѣденное время, когда жители города начали выходить на набережную Амура для обычной прогулки, когда кое гдѣ застонала и заныла гармоника и веселая компанія съ пѣсней загуляла по улицамъ, общее оживленіе города было нарушено пушечнымъ выстрѣломъ, раздавшимся съ китайскаго берега. Все притихло. Никто не могъ понять въ чемъ дѣло. Гуляющіе остановились и ждали, что будетъ дальше. Небольшая граната со свистомъ и шипѣніемъ пронеслась надъ рѣкою и шлепнулась въ воду въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега.

Китайцы стрѣляли по городу.

И какъ только жители поняли въ чемъ дѣло картина праздничнаго оживленія живо перемѣнилась. Всѣ попря-

тались по домамъ. Извозчики исчезли съ улицъ, магазины были заперты.

За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй, за тѣмъ прогремѣлъ третій, къ пушечной пальбѣ присоединился трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и пули засвистали надъ городомъ.

Ночная темнота прекратила стрѣльбу.

Утромъ наша батарея заняла набережную Амура, мѣстная команда и около 1200 человѣкъ городскихъ жителей, вооружившихся берданками и наскоро обученныхъ запасными офицерами, жившими въ городѣ, заняли окопы по берегу и, когда на зарѣ загремѣли китайскія орудія, имъ дружно отвѣтили наши.

Китайцы стрѣляли не цѣлясь. Они просто пускали пули вверхъ, въ расчетѣ, что куда нибудь да попадетъ пуля. И пули сыпались на крыши домовъ, упадали на мостовыя, ранили и убивали ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ жителей.

Благовѣщенцы скоро привыкли къ осадному положенію. Они уже выходили изъ домовъ, смотрѣли на огни вспыхивавшіе тамъ и тамъ на китайской сторонѣ, шутили и смѣялись надъ косоглазымъ китайцемъ. Маленькій отрядъ стойко защищалъ родной городъ. Стрѣльба начиналась съ разсвѣта, къ полудню она затихала и возобновлялась опять часовъ около пяти вечера. Нѣкоторыя ядра попадали удачно. Такъ пострадала отъ нихъ женская гимназія, центральная гостинница на набережной и 16 домовъ. Около десяти жителей было убито шальными пулями.

Наши силы были очень малы—между тѣмъ китайцевъ на Манчжурскомъ берегу набралось, по слухамъ, до пяти тысячъ, они могли переправиться на нашу сторону и тогда стрѣльба ихъ могла бы доставить намъ много непріятностей. Чтобы помѣшать этому было приказано собрать всѣ лодки на берегу и свезти ихъ въ середину города, къ пристани, гдѣ онѣ были бы подъ охраной Благовѣщенской дружины.

Какъ ни храбры были дружинники, однако плыть по рѣкѣ, на виду у китайцевъ, подъ градомъ пуль никому не хотѣлось. Замялись вольные солдаты. Ихъ мужество пробудили двѣ женщины, жительницы города Благовѣщенска. Анастасія Исааковна Юдина и Евгенія Ивановна Катышева вызвались пойти по берегу за лодками и свести ихъ къ пристани. За ними пошло и нѣсколько мущинъ.

Какъ только китайцы замѣтили нашихъ, они начали усиленно обстрѣливать ихъ. Мужчины доставили по одной лодкѣ каждый. Юдина и Катышева работали вдвоемъ и доставили три лодки. Изнемогая отъ усталости и волненія неженской работы, онѣ не въ силахъ были выгрести на третьей и, спрыгнувъ въ воду, потащили ее вдоль берега на рукахъ. Въ это время нѣсколько пуль прострѣлили юбки храбрыхъ русскихъ женщинъ, но, по счастью, не задѣли ни Катышеву, ни Юдину.

Примѣръ храбрости благовѣщенскихъ женщинъ возбудилъ мужество и среди вольной дружины. Ночью 6-го іюля поручикъ Басовъ съ нѣсколькими казаками и крестьянами вышелъ изъ Благовѣщенска и, переправившись на китайскій берегъ, напалъ врасплохъ на спящихъ въ окопахъ китайцевъ. Китайцы проснулись. Началась безпорядочная пальба. Басовъ былъ убитъ, убито было 2 казака и пятеро крестьянъ, семеро было ранено. Наши закололи 50 китайцевъ, а затѣмъ со всѣми убитыми и ранеными вернулись въ Благовѣщенскъ.

На другой день опять началась стрѣльба по городу. Осадное положеніе стало надоѣдать. Въ городѣ было уныло и скучно. Дни шли за днями, безконечные, тихіе и печальные. Никто не выходилъ изъ домовъ, торговля прекратилась. Такое положеніе не могло долго продолжаться. На выручку Благовѣщенска спѣшили—изъ Хабаровска—полковникъ Сервіановъ съ 14-мъ Восточно-Сибирскимъ полкомъ, 10-мъ Восточно Сибирскимъ линейнымъ батальономъ, сотней амурскихъ казаковъ, 8-ю пушками

и двумя моргирами. Изъ Срѣтенска шли полковникъ Шверинъ съ тремя ротами и 12 орудіями и генералъ маіоръ Ренненкампфъ съ 4 батальонами пѣхоты, 2-мя сотнями амурскихъ казаковъ и 6-ю орудіями 3-й Забайкальской конной батареи.

Генералъ Гродековъ,
Начальникъ Амурской Области.

Съ 10 іюля начали подходить къ Благовѣщенску подкрѣпленія. Все оживилось въ городѣ съ приходомъ настоящихъ солдатъ. На берегу собрали лодки, повязали плоты, достали баржи и паромы. Пароходъ „Селенга“ сталъ противъ китайскихъ батарей и открылъ изъ двухъ

пушекъ огонь по китайцамъ. Китайцы покинули берегъ и отрядъ нашъ благополучно переправился, потерявъ лишь одного офицера и двухъ солдатъ, утонувшихъ въ Амурѣ.

Китайцы отошли на шесть верстъ отъ берега и заняли тамъ фанзы. Первыми переправились на тотъ берегъ охотники. Высадившись на берегу, они залегли въ ожиданіи прибытія Читинскаго и Срѣтенскаго батальоновъ и амурскихъ казаковъ. Китайцы, видя, что наши стоятъ и не наступаютъ, ободрились и ихъ конница и пѣхота стали подходить къ берегу.

— Въ цѣпь! раздалась команда. Солдаты разсыпались и мѣткими выстрѣлами заставили китайцевъ отойти. Между тѣмъ переправа продолжалась.

Но вотъ подошли казаки. Быстро выскочили они впередъ на своихъ маленькихъ лошадкахъ и осмотрѣли мѣстность. Китайцы поставили три орудія на горѣ, а кругомъ столпились сами. Наши войска разсыпались въ цѣпи и стали наступать на лѣсокъ и фанзы-казармы. Китайцы сдѣлали по нашимъ залпъ—и мимо. Наши крикнули ура! и бросились впередъ.

Китайцы сдѣлали еще залпъ, а затѣмъ побѣжали въ горы.

Не зѣвай, станичники! крикнулъ лихимъ амурцамъ командиръ ихъ, сотникъ Вандаловскій. Мигомъ въ длинную цѣпь разсыпались казаки. Китайская конница, а сзади нея и пѣхота вышли впередъ, чтобы закрыть отъ казаковъ пушки. Хорошія лошади были подъ китайцами, свѣжія, сильныя. Не сбить ихъ усталымъ казачьимъ маштакамъ. Живо смекнули амурцы, что дѣлать. Какъ одинъ слетѣла сотня съ коней, закинули казаки поводъ за плечо, положили винтовку на сѣдло и какъ съ упора загремѣли казачьи ружья и посыпались съ коней убитые и раненые китайцы. Имъ бы скорѣй атаковать, но они растерялись и повернули назадъ, сбили и смѣшали свою пѣхоту. А казаки уже были на коняхъ и съ дикимъ визгомъ, съ которымъ они всегда атакуютъ

въ разсыпную, кинулись колоть и рубить пѣхоту, но китайцы бросились на землю и казаки проскакали между ними, мало кого поразивъ шашками.

Китайская кавалерія.

— Ахъ, ты, незадача-жъ какая! говорили амурцы. А китайская конница снова собралась идти въ атаку на нашихъ казаковъ. Снова слѣзли казаки съ лошадей и

снова огнемъ изъ трехлинейныхъ винтовокъ прогнали китайцевъ и опять, сѣвъ на лошадей, поскакали на пѣхоту. Но теперь, доскакавъ до нея бросили казаки лошадей и пѣшкомъ побѣжали крошить китайцевъ шашками. Ужъ и досталось же имъ!

Кто-то зажегъ фанзу, изъ которой бѣжала китайская пѣхота,—потомъ прошли къ опустѣвшему Сахаляну, и запылалъ дерзкій городъ, поднявшій руку на Благовѣщенскъ.

Ночь наступила. Но было свѣтло, какъ днемъ. Небо было красное отъ пожара и зловѣщимъ заревомъ отражалось въ темныхъ волнахъ Амура. Пѣхота становилась на бивакѣ. Казаки высылали разъѣзды.

Благовѣщенскъ праздновалъ свое избавленіе отъ осады. Старый и малый высыпали на набережную и на бульваръ. Извощики носились то туда, то сюда. Шелъ громкій разговоръ. Въ лѣтнемъ воздухѣ звенѣла пѣсня. Жители крестились, глядя на громадные огненные языки и столбы дыма и искръ, поднимавшіеся надъ Сахаляномъ, и благодарили Бога за избавленіе.

Не будь такъ рѣшительны наши войска, не подоспѣй во-время генералъ Субботичъ съ генераломъ Ренненкампфомъ и не начни они переправу, чтобы напасть самимъ на китайцевъ, кто знаетъ, можетъ быть, вмѣсто китайскаго Сахаляна, пылалъ бы русскій Благовѣщенскъ?

XVI.

Взятіе китайскаго города Айгуна.

Жители Дальняго Востока.

Дерзкое нападеніе китайцевъ на Благовѣщенскъ показало, что мятежъ Большого Кулака захватилъ весь Китай и что можно опасаться, что вся эта громада въ 400 милліоновъ жителей, голодная и оборванная, ненавидящая европейцевъ, подымется и хлынетъ на границу Россіи. Помощь желѣзнодорожнымъ служащимъ нужна была быстрая. Передовые наши отряды требовалось подкрѣпить еще войсками, чтобы китайцы вполнѣ почувствовали, что съ Россіей лучше жить въ мирѣ, торговать чаемъ и рисомъ, а воевать и опасно и невыгодно.

Для этого намъ нужно было скорѣе собрать войска въ Сибири и двинуть ихъ въ Манчжурію.

8-го іюня изъ Петербурга въ Омскъ, главный городъ восточной Сибири, пришла телеграмма о томъ, что сибирскимъ войскамъ объявлена мобилизація. Эта телеграмма

сейчасъ была передана по всѣмъ городамъ и большимъ станицамъ, куда только проведенъ телеграфъ. И вотъ изъ станицы въ станицу, въ хутора и поселки, на поля, гдѣ работали казаки, помчались верховые съ красными флагами въ рукахъ. Влетитъ такой гонецъ полнымъ скокомъ въ улицу станицы, машетъ флагомъ и громко кричитъ: „мобилизація, собирайся въ походъ".

И сейчасъ же на шестѣ у станичнаго правленія подымался красный флагъ, а если верховой пріѣзжалъ ночью—красный фонарь, и новые верховые скакали изъ этой станицы по хуторамъ и дальнимъ покосамъ. Въ степи, на дорогахъ, поставили пикеты, повѣсили красные фонари и флаги, и, какъ увидятъ, что кто нибудь ѣдетъ изъ казаковъ, сейчасъ кричатъ—„собирайся въ походъ—мобилизація!".

И быстро собрались сибиряки. Вчера еще косили они сѣно, а сегодня уже одѣли темнозеленые мундиры, шаровары съ красной полосой, барашковую шапку съ алымъ верхомъ, сѣли на копей и собрались въ полки и сотни.

Старики и молодежь рвались стать въ ряды полковъ, каждому хотѣлось вѣрой и правдой послужить Царю-Батюшкѣ. Изъ ничего создалось цѣлое войско...

Чуть свѣтало 21-го іюля, ѣдкій дымъ догоравшей деревни застилалъ горизонтъ, а на русскомъ бивакѣ у Сахаляна безъ палатокъ и костровъ уже все шевелилось. Три сотни Амурскаго и одна Нерчинскаго казачьихъ полковъ вытягивались въ рощу, поросшую по окраинѣ деревни. Тутъ и тамъ валялись трупы китайцевъ — это слѣды вчерашняго боя. Вонъ въ кустахъ цѣлая куча ихъ навалена—скрюченные, блѣдные, страшные. Лошади пугливо фыркаютъ и кидаются въ сторону отъ этихъ непривычныхъ предметовъ. Сотни идутъ мимо прекрасно обработанныхъ полей китайцевъ, рѣчка и мостъ съ прочными перилами и крѣпкимъ накатникомъ преграждаютъ дорогу.

— Хоть бы и намъ въ Рассеѣ такой мостъ!—шутятъ казаки.

На горѣ видны канавки съ валикомъ, прорытыя змѣйкой и подходящія къ крытымъ землею и желѣзомъ постройкамъ—это окопы китайцевъ.

Вотъ еще нѣсколько погорѣвшихъ домовъ. Убитыя свиньи, коровы и лошади лежатъ во дворахъ и на дорогѣ. Какія-то темныя личности бродятъ по задворкамъ и пугливо исчезаютъ при приближеніи отряда казаковъ. Разрушеніе кругомъ полное. Ужасный видъ пожара и войны!

Въ деревняхъ тутъ и тамъ еще остались склады пороха. Казаки взрываютъ его и идутъ дальше. И вотъ за рощей черной березы, среди засѣянныхъ полей чуть колышимой вѣтромъ пшеницы показался далеко-далеко Айгунъ. Китайцы стали для боя впереди города. Орудія были на горѣ, толпы китайцевъ окружили ихъ, громадныя знамена вѣяли надъ ними. Былъ полдень.

Начальникъ казачьяго отряда полковникъ Печенкинъ подтянулъ свои сотни. Казаки собрались, вытянули длинный фронтъ, перекрестились и понеслись въ атаку. Китайцы встрѣтили казаковъ страшнымъ огнемъ. Вонъ упалъ сотникъ Амурскаго полка Волковъ, стали падать еще казаки. Волковъ и 4 казака были убиты, есаулъ Плотниковъ и 24 казака и солдата были ранены.

Въ отвѣтъ на стрѣльбу китайцевъ загремѣли выстрѣлы солдатъ Срѣтенскаго батальона, шедшаго за казаками. Хорунжій Тычевъ, заурядъ-прапорщикъ Намаконовъ и урядникъ Кузнецовъ съ амурцами насѣдаютъ на китайцевъ. Кузнецовъ налетаетъ на китайскія пушки и одинъ рубитъ шесть человѣкъ орудійной прислуги. Тогда китайцы бѣгутъ къ Айгуну.

Въ это же время съ сѣвера къ Айгуну подошелъ отрядъ полковника Фотенгауера и изъ мортиръ (короткихъ пушекъ, стрѣляющихъ громадными снарядами) сталъ обстрѣливать Айгунъ. Въ Айгунѣ начались пожары. Благовѣщенскій отрядъ отошелъ къ деревнѣ Колушаны и заноче-

валъ въ ней. Часть китайскихъ войскъ потянулась изъ Айгуна на югъ по Цицикарской дорогѣ. Двѣ стальныя пушки, много значковъ и 2 знамени съ надписями на китайскомъ языкѣ: „Народъ Большого Кулака“ и „Помогаемъ Цину уничтожить европейцевъ“ были добычей лихихъ амурцевъ.

На другой день 22-го іюля отрядъ продолжалъ наступленіе къ Айгуну. Холмы и горы полого спускались внизъ, мѣстность становилась болѣе ровной и открытой. То тутъ, то тамъ виднѣлись китайскія фанзы пригородныхъ деревень. Было еще темно. Ѣхавшій впереди отряда генералъ Ренненкампфъ заглянулъ въ одну изъ нихъ и увидѣлъ тамъ семь или восемь китайскихъ тѣлъ. Но едва только генералъ съ офицерами вышелъ изъ фанзы, какъ изъ нея и изъ сосѣдней караулки затрещали выстрѣлы и кругомъ появились китайцы. Послали за казаками. Полусотня Амурскаго полка примчалась изъ передового отряда и казаки поскакали, но въ темнотѣ наткнулись на болото. Лошади увязли по брюхо. Въ 40 шагахъ стрѣляли китайцы, назадъ идти казаки не хотѣли... Спѣшились и стали отстрѣливаться. Генералъ тоже взялъ свой карабинъ и сталъ стрѣлять по китайцамъ. Подошла и пѣхота съ генераломъ Ренненкампфомъ во главѣ, бросились въ штыки и шашки на китайцевъ. Китайцы бѣжали, но, убѣгая, подложили горящій фитиль подъ цѣлый рядъ бочекъ съ порохомъ. Но Срѣтенскаго батальона унтеръ-офицеръ Горевъ побѣжалъ къ погребу и ногою затушилъ фитиль. Тутъ же въ караулкѣ нашли старинныя желѣзныя пушки и нѣсколько ружей. Каждый шагъ Благовѣщенскаго отряда къ Айгуну былъ ознаменованъ какимъ-либо подвигомъ храбрости Амурскихъ казаковъ.

Съ малыхъ лѣтъ привыкли они къ охотамъ въ Амурскихъ лѣсахъ, привыкли ничего не бояться и презирать смерть. Казаки не смотрѣли въ глаза офицерамъ, какъ дѣти пянькѣ, но каждый зналъ свое дѣло и умѣло распоряжался въ бою и на походѣ. Завидѣвъ китайскую фанзу,

или кумирню казакъ подъѣзжалъ къ ней, бросалъ коня и вбѣгалъ въ нее. Были тамъ враги, онъ пристрѣливалъ, или прикалывалъ ихъ, не дожидаясь подмоги. Казаки полюбили свои новыя трехлинейныя винтовки и умѣли ими пользоваться. Всѣ лучшія пушки, скорострѣльныя и стальныя были забраны казаками. Налетѣвъ на батарею казаки не церемонились съ артиллеристами. Пока одни рубили прислугу, другіе цѣпляли арканы къ пушкамъ и ящикамъ и уводили ихъ къ себѣ.

Окруженный такими смѣльчаками, генералъ Ренненкампфъ быстро подавался къ Айгуну. Теперь уже мѣстность стала совсѣмъ ровная. Не было ни горъ, ни крупныхъ балокъ. Правда поля были раздѣлены широкими канавами, затруднявшими движеніе нашего отряда. Подойдя къ мѣсту, занятому китайцами казаки слѣзли съ лошадей и отрядили пѣхоту.

Около двухъ часовъ пополудни подошли линейцы и артиллерія, пріѣхалъ начальникъ отряда генералъ Субботичъ и генералъ Грибскій. Пѣхота выслала цѣпи, артиллерія развернулась и началось наступленіе. На чистой и ровной мѣстности солдаты шли, какъ на ученьи. Казалось, что это не бой, а маневръ. Едва попадется канава, какъ пѣхота подбѣжитъ съ лопатами къ пушкамъ и въ нѣсколько взмаховъ сравняетъ землю.

Китайцы открыли огонь. Но ихъ пули перелетали черезъ наши цѣпи и резервамъ доставалось больше, нежели людямъ, бывшимъ впереди. — „Кабы хорошо стрѣляли китайцы на этомъ чистомъ мѣстѣ плохо было бы намъ“, говорили солдаты и въ суровомъ молчаніи подступали къ Айгуну. И только тогда, когда они подошли на разстояніе выстрѣла, они начали стрѣлять по китайцамъ. Загромыхали и наши пушки. Бой былъ упорный. Китайцы медленно отходили къ городу. Съ 2 часовъ дня и до 9 вечера длилось сраженіе. Уже подъ вечеръ генералъ Субботичъ двинулъ войска въ атаку. Артиллерія участила огонь, загремѣли барабаны. Казаки выскочили впередъ, но подъ са-

мыми окопами непріятеля завязли въ болотѣ. Тутъ бы они и погибли, если бы не пѣхота. Съ крикомъ ура! бросились Срѣтенцы и Читинцы въ штыки. Китайцы бѣжали. Ночь наступила. Зажженный добровольцами Айгунъ пылалъ.

Утомленныя двухдневнымъ боемъ войска не вошли въ эту ночь въ Айгунъ. Они заночевали гдѣ Богъ послалъ. При торопливости выступленія, никто не взялъ съ собой палатокъ. Офицеры, казаки и солдаты полегли прямо на землѣ, имѣя въ головахъ сѣдла, скатки, барабаны... Кровавое зарево пожара было кругомъ. То тутъ, то тамъ слышались одинокіе выстрѣлы, или залпы — это взрывались патроны, брошенные китайцами въ горящихъ фанзахъ. Люди не имѣли въ эту ночь обѣда—не было воды...

И среди ночи поднялись неутомимые казаки, посѣдлали лошадей и пошли съ генераломъ Ренненкампфомъ преслѣдовать китайцевъ, бѣжавшихъ по Цицикарской дорогѣ...

Сутки провелъ Ренненкампфъ въ погонѣ за китайцами и 24-го вернулся въ разоренный Айгунъ съ двумя отбитыми пулеметами и 9-ю знаменами. Одинъ день отдохнулъ онъ въ Айгунѣ, и затѣмъ съ 1-мъ, 2-мъ и 4-мъ батальонами Срѣтенскаго полка, 1-мъ, 3-мъ и 4-мъ батальонами Читинскаго, тремя сотнями Амурскаго казачьяго полка, 2-мя сотнями 1-го Нерчинскаго, 2-мя сотнями 1-го Аргунскаго, 16 орудіями Забайкальскаго артиллерійскаго дивизіона и 4-мя орудіями 2-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады, предпринялъ смѣлый поискъ вглубь Манджуріи съ цѣлью дойти до желѣзной дороги и выручить рабочихъ и инженеровъ, окруженныхъ боксерами...

Генералъ Маіоръ Ранненкампфъ.

XVII.

Набѣгъ генерала Ренненкампфа.

Генералъ Ренненкампфъ оставилъ пѣхоту съ артилеріей назади, а самъ съ одними казаками помчался въ погоню за китайцами. 26-го іюля Айгунъ скрылся изъ глазъ отряда и казаки вступили въ густые и дремучіе лѣса Монголіи. Попадавшіеся въ глуши отряды китайцевъ Ренненкампфъ тотчасъ атаковывалъ, отбиралъ оружіе и, не задерживаясь, шелъ дальше. Горный хребетъ Хинганъ пересѣкалъ путь Ренненкампфу. Китайцы заняли проходы черезъ него. Ренненкампфъ далъ отдыхъ казакамъ, дождался свою пѣхоту и съ нею вмѣстѣ 30-го іюля атаковалъ переходъ черезъ Хинганъ у кумирни Ляо-э-Мяо и перешелъ черезъ горы. Здѣсь онъ опять оставилъ пѣхоту сзади, а самъ пошелъ впередъ съ казаками. Эти нѣсколько дней, начало движенія въ Манчжурію дорого стоили русскимъ. Китайцы еще были сильны, они еще вѣрили, что могутъ воевать съ нами, и на каждомъ шагу устраивали бои. А кругомъ были лѣса и болота. Казакамъ приходилось спѣшиваться и сражаться въ пѣшемъ строю. Каждый шагъ былъ запечатлѣнъ кровью казачьей. За путь отъ Айгуна

до Хинган генералъ Ренненкампфъ потерялъ 8 офицеровъ и 101 казака убитыми и ранеными.

Но не напрасно была пролита кровь. Не даромъ жизнью своею пожертвовали амурскіе казаки. Ужасъ охватилъ китайцевъ. Одно слово казакъ, одинъ видъ желтыхъ полосъ на штанахъ казацкихъ заставлялъ ихъ сдаваться или бѣжать. Смирились дзянь-дзюни, притихли градоправители-амбани, испугались старосты-фудутуны. Раскаянье закралось въ душу китайцевъ. Зачѣмъ было обижать русскихъ! Вѣдь русскіе не иноземцы — англичане и германцы, русскіе свои люди... и покорнѣе становился край, благодаря успѣхамъ смѣлаго казачьяго набѣга.

Генералъ Ренненкампфъ шелъ все впередъ и впередъ. Онъ словно родился въ сѣдлѣ, постоянно сидѣлъ онъ на конѣ и увлекалъ ка аковъ за собой. И готовы были амурцы идти за нимъ и въ огонь и въ воду.

4-го августа передъ казаками показался городъ Мергень. Часъ длилась перестрѣлка и городъ сдался. Еще разъ отдохнулъ два дня отрядъ, дождался пѣхоту, оставилъ часть ея для охраны завоеваннаго города—и опять одинъ помчался впередъ. 6-го августа казаки переплы въ бродъ рѣку Нонни и пошли внизъ по ея теченію, все увеличивая скорость движенія. 15-го августа, черезъ 20 дней послѣ выступленія Ренненкампфъ уже прошелъ 525 верстъ и съ пятью стами казаковъ и 6-ю конными орудіями подошелъ къ большому городу Манчжуріи — Цицикару.

Цицикаръ сдался русскимъ. Чѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе становился Ренненкампфъ, тѣмъ податливѣе и покорнѣе дѣлались китайцы.

Въ Цицикарѣ Ренненкампфъ узналъ, что желѣзная дорога отъ Абагайтуя до Цицикара освобождена отъ шаекъ боксеровъ генераломъ Орловымъ съ забайкальскими казаками, а дальше на Харбинъ и Никольскъ Уссурійскій генералами Сахаровымъ и Гродековымъ.

Оставалось захватить главный городъ Манчжуріи Гиринъ и тѣмъ покончить съ боксерами на русской же-

лѣзной дорогѣ. Съ юга отъ Портъ-Артура уже двигались войска на сѣверъ, очищая Портъ-Артурскую вѣтвь Китайской дороги.

Генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ однимъ махомъ покончить съ Гириномъ. Въ концѣ августа онъ собралъ 4 сотни 3-го Верхнеудинскаго полка, 3 сотни 1-го Нерчинскаго полка, 3 сотни Амурскаго казачьихъ полковъ, 6 пушекъ 2-й Забайкальской конной казачьей батареи и съ этимъ отрядомъ въ 1028 коней бросился по рѣкѣ Нонни къ Гирину.

Было жарко. Кругомъ были степи, но казаки пѣли пѣсни своей далекой родины и быстро, то шагомъ, то рысью неслись впередъ и впередъ.

4-го сентября фудутунъ, по нашему старшина, города Бодуне сказалъ генералу, что Гиринъ безъ боя занятъ русскими. Ренненкампфъ отдохнулъ 5-е число, а 6-го сентября съ $4^1/_2$ сотнями казаковъ и 2-мя орудіями помчался впередъ. 8-го сентября Ренненкампфъ подошелъ къ городку Куань-Чанъ-Цзы и занялъ его безъ боя. Здѣсь онъ узналъ, что войска изъ Куань-Чанъ-Цзы ушли для защиты Гирина и что въ Гиринѣ еще не было ни одного русскаго солдата.

Значитъ фудутунъ города Бодуне ошибся. 9-го сентября въ 6 часовъ утра Ренненкампфъ съ 2-мя сотнями казаковъ вышелъ изъ города Куань-Чанъ-Цзы. 130 верстъ отдѣляли его отъ Гирина. Китайцы могли разсчитывать увидѣть его подъ стѣнами Гирина не ранѣе 4 дней... Надо было ошеломить ихъ внезапнымъ появленіемъ и генералъ Ренненкампфъ рѣшилъ быть подъ Гириномъ на другой же день. Онъ рѣшилъ сдѣлать невозможное. Онъ зналъ, что для казаковъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Съ утра до трехъ часовъ дня его конный отрядъ безостановочно шелъ рысью. Даже казаки примолкли. Только маленькіе сибирскіе кони казачьи гулко стучали копытками по каменному грунту. Въ 3 часа дня изъ передового разъѣзда пріѣхалъ къ Ренненкампфу казакъ и доложилъ, что деревня Ташуй-хо занята китайцами.

Подошли ближе и стало видно, что тынъ крайней усадьбы осыпанъ землею и подпертъ бревнами.

Раздались выстрѣлы. Они не испугали казаковъ, но лишь ободрили. Подняли вскачь своихъ лошадокъ амурцы, налетѣли на ворота, нѣсколькими ударами топоровъ и прикладовъ выбили ихъ и ворвались въ усадьбу.

Первымъ вскочилъ въ нее генералъ Ренненкампфъ. но тутъ, одинъ изъ защитниковъ ея, громадный китаецъ, бросился съ пикою въ рукахъ на генерала... На волосокъ отъ смерти былъ смѣлый начальникъ набѣга... Но Амурскаго полка казакъ Антипьевъ отстранилъ генерала и принялъ ударъ на себя, получивъ рану въ плечо.

Свято выполнилъ присягу Антипьевъ. Онъ зналъ, что на войнѣ начальникъ нужнѣе казака, онъ, какъ истинный казакъ, презиралъ смерть и, какъ христіанинъ: твердо помнилъ заповѣдь Христа: *больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя!*

Казакъ Антипьевъ за подвигъ этотъ получилъ знакъ отличія Военнаго Ордена 3-й степени.

А кругомъ, въ усадьбѣ, казаки дѣлали свое дѣло— 28 китайцевъ, осмѣлившихся задержать казаковъ были перебиты, а 42 винтовки Маузера, найденныя въ усадьбѣ взяты...

И опять впередъ.

Солнце закатилось за далекія горы, наступила тьма, но и ночь не остановила быстраго хода казаковъ.

Наступилъ разсвѣтъ... Уже недалеко было и до Гирина. Вдругъ показалась ляпза (батальонъ) китайской пѣхоты.

— Клади оружіе! кричатъ казаки, переводчикъ выскакиваетъ впередъ и уговариваетъ; китайцы угрюмо заряжаютъ винтовки.

Но ихъ лица блѣдны. Они не ждали такъ скоро русскихъ. Они не приготовились.

— Шашки къ бою! — слышна отрывистая команда Ренненкампфа и стальные клинки сверкаютъ при первыхъ

лучахъ восходящаго солнца. Плохо дѣло... И безъ выстрѣла сдали китайцы винтовки и патроны, которыя тутъ же были уничтожены.

Въ 7 часовъ утра, 10 сентября, пройдя 130 верстъ въ 25 часовъ, генералъ Ренненкампфъ подходилъ къ Гирину. У стѣнъ города его встрѣтилъ китаецъ, говорившій по-русски.

— Дзянь-дзюнь Гирина, сказалъ китаецъ, никакихъ распоряженій о русскихъ не получалъ, и потому проситъ генерала въ городъ не входить, а остановиться въ полѣ, по моему указанію.

— Зато я имѣю приказаніе войти въ городъ. Сзади меня идетъ отрядъ въ нѣсколько тысячъ и плохо будетъ вашему дзянь-дзюню, если онъ вздумаетъ сопротивляться— отвѣчалъ Ренненкампфъ. — Сотни — рысью маршъ!—добавилъ онъ, обращаясь назадъ къ своимъ казакамъ.

Казаки влетѣли во дворъ дзянь-дзюня. Тамъ спѣшно строилась китайская конница.

— Клади оружіе!—кричали казаки.

Сопротивленіе было безполезно. 220 китайскихъ всадниковъ положили винтовки. Казаки поломали ихъ и бросили въ рѣку Сунгари.

Теперь можно было и отдохнуть. Къ Ренненкампфу со всѣхъ сторонъ подходили подкрѣпленія. 11-го сентября въ Гиринъ пріѣхалъ разъѣздъ штабсъ-ротмистра Волкова изъ Никольскаго отряда генералъ-маіора Чичагова.

69 орудій досталось намъ и цѣлый патронный заводъ.

Недолго отдыхалъ неутомимый генералъ Ренненкампфъ. 13-го онъ уже пошелъ дальше наводить страхъ на боксеровъ и водворять порядокъ вокругъ нашей желѣзной дороги...

Побѣды генерала Ренненкампфа поразительны. Быстрота его движенія нагнала ужасъ на китайцевъ и потому они сдавались, почти безъ боя. Но надо было имѣть необыкновенную неутомимость, смѣлость и рѣшительность, чтобы безъ картъ и безъ обозовъ кинуться въ чужую

страну, вихремъ пронестись тысячу верстъ по ней, сражаться въ это время, завоевывать и усмирять. Генералъ Ренненкампфъ за свой набѣгъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ. Этотъ смѣлый поискъ показалъ, на что еще способны казаки, показалъ, что неутомимый духъ казачій еще живъ и способенъ на чудеса.

Манчжурскія войска.

XVIII.

Освобожденіе желѣзной дороги отъ боксеровъ.

Трудно приходилось инженеру Юговичу, осажденному боксерами въ городѣ Харбинѣ. Каждый день онъ отражалъ нападенія китайцевъ, велъ съ ними перестрѣлку. Патроновъ было мало. Долго держаться было нельзя. А между тѣмъ дни шли за днями, прошла одна недѣля, вторая, наступила третья, а харбинцы не только выдерживали въ осадѣ, но и сами предпринимали вылазки противъ китайцевъ.

21-го іюля, въ 4 часа 12 минутъ, сторожевой казакъ замѣтилъ съ башни дымки на рѣкѣ Сунгари. Дымки приближались, вскорѣ можно было разобрать пароходы и баржи, плывшіе по рѣкѣ. Китайцы отошли отъ Харбина. На пароходахъ плылъ генералъ Сахаровъ съ отрядомъ, ночью подошла помощь и съ востока, оттуда пришли сотни охранной стражи подъ командой полковника Денисова. Юговичъ былъ освобожденъ.

Быстро разгорѣлся по Манчжуріи мятежъ Большого

Кулака, но и быстро собрались русскіе дать отпоръ боксерамъ. Мятежники увѣряли китайцевъ, что Сибирь пустынный, малонаселенный край, что изъ Сибири нельзя достать войска, а когда пріѣдутъ полки изъ Россіи—отъ желѣзной дороги камня на камнѣ не останется. И простодушные китайцы вѣрили этому и работали для боксеровъ. Дзянь-дзюни, получая бумаги о нападеніи на желѣзную дорогу, думали, что русскимъ не подъ силу будетъ вести войну въ Манчжуріи, что они останутся безъ наказанія. И вдругъ со всѣхъ концовъ двинулись русскія войска на защиту такъ дорого стоющаго пути. Съ востока на Хайларъ тронулся съ забайкальскими казаками генералъ Орловъ, посерединѣ отъ Благовѣщенска кинулся смѣлымъ набѣгомъ генералъ Ренненкампфъ, отъ Хабаровска по рѣкѣ Сунгари плылъ генералъ Сахаровъ и съ юга отъ Владивостока шли отряды генерала Чичагова и полковника Айгустова. Въ первыхъ числахъ іюля они всѣ перешли уже границу Манчжуріи. Немного запоздалъ г. Ренненкампфъ, потому что его задержали сраженія съ китайцами подъ Благовѣщенскомъ, Сахаляномъ и Айгуномъ, но и онъ наверсталъ время быстротою движенія и почти одновременно всѣ отряды соединились у города Цицикара.

Главная линія желѣзной дороги, линія, соединяющая границу Россіи съ Владивостокомъ, была занята русскими войсками.

Въ Хайларѣ стоялъ генералъ-маіоръ Грековъ съ сибирскими казаками, въ Цицикарѣ находился есаулъ Пѣшковъ съ амурцами, тотъ самый Пѣшковъ, что одиннадцать лѣтъ тому назадъ на своемъ маленькомъ сѣромъ конѣ проѣхалъ черезъ всю Сибирь и верхомъ прибылъ изъ города Читы въ Петербургъ, въ Харбинѣ стояла пѣхота генерала Сахарова и Нингута была занята генераломъ Чичаговымъ. Главные пункты дороги были въ рукахъ у русскихъ. Изъ нихъ ходили разъѣзды, разго-

няли шапки боксеровъ, стойко держали посты и взволнованный край успокаивался.

Но время все еще было военное, за каждымъ кустомъ скрывалась опасность и смерть, ни одинъ дозоръ, ни одинъ разъѣздъ не зналъ, пройдетъ онъ безъ приключеній свой путь, или придется пустить въ ходъ оружіе.

Такъ, ночью 23-го іюля къ часовому у воротъ Хайлара, казаку 6-го Забайкальскаго батальона Ивану Машукову подкрались два китайца. Наскочивъ на него изъза выступа стѣны, они нанесли ему тяжелую рану въ голову. Но Машуковъ помнилъ присягу. Одного китайца онъ закололъ штыкомъ, другой бѣжалъ. Обливаясь кровью, страдая отъ раны, Машуковъ не покинулъ своего поста, но простоялъ на немъ твердо и смѣло, презирая смерть и боль, до смѣны...

Китайцы были поражены такой быстрой перемѣной. Они убѣдились, что боксеры, возбуждавшіе ихъ противъ русскихъ, обманули ихъ. Русскіе не грабили, не обижали китайцевъ, они даже платили за все, что брали для войскъ. И китайцы раскаялись въ своихъ поступкахъ. Толпами приходили они къ русскимъ генераламъ, отдавали оружіе, указывали, гдѣ находятся склады пороха и патроновъ, нанимались работать на той самой дорогѣ, которую они еще такъ недавно разрушали.

Въ сентябрѣ начали возобновлять работы, а въ ноябрѣ онѣ кипѣли уже на всей линіи. Войска изъ Манчжуріи уходили назадъ. Для охраны рабочихъ оставалась одна желѣзнодорожная стража.

Такъ въ два съ половиной мѣсяца умиротворенъ былъ весь край, вокругъ главнаго пути Восточной дороги. Оставалось защитить и успокоить боковую вѣтку, идущую отъ Харбина на Портъ-Артуръ.

Было извѣстно, что китайцы собираются у двухъ большихъ городовъ этой части Манчжуріи—у Гирина и Мукдена.

Къ Гирину бросился генералъ Ренненкампфъ и 10 сентября захватилъ его въ свои руки, дождался смѣны пѣхотою, а самъ пошелъ дальше на Мукденъ и, не доходя до него 60 верстъ, встрѣтился 23 сентября въ городѣ Тѣлинѣ съ передовою частью отряда генерала Субботича: Мукденъ былъ завоеванъ русскимъ отрядомъ.

Городъ Мукденъ.

XIX.

Взятіе Мукдена.

Въ началѣ іюля мѣсяца мятежныя шайки боксеровъ стали появляться сѣвернѣе Портъ-Артура на Ляодунскомъ полуостровѣ. Въ Портъ-Артурѣ у насъ были большіе склады военнаго матерьяла, угля и провизіи. Тамъ же жили и семьи нашихъ храбрыхъ офицеровъ, сражавшихся подъ Пекиномъ. Конечно, китайцы не смогли бы взять укрѣпленный нами городъ, но для того, чтобы не допустить ихъ подойти къ городу, въ серединѣ іюля изъ Портъ-Артура было отправлено на сѣверъ три небольшихъ отряда: генерала Флейшера и полковниковъ Домбровскаго и Хорунженкова. Въ іюлѣ и августѣ они прогнали боксеровъ изъ Ляодунскаго полуострова и къ началу сентября собрались между морскою пристанью Инкоу и станціей китайской желѣзной дороги Дашичао.

Боксеры, изгнанные нашими и союзными войсками изъ Пекина, бросились сначала къ Бейтану, но послѣ взятія Бейтана прошли берегомъ моря къ Мукдену и взволновали Мукденскую округу.

До 15-ти тысячъ китайцевъ и много артиллеріи собралось въ этихъ мѣстахъ и укрѣпилось въ городахъ Хайченѣ, Ючуанѣ, Ляоянѣ и Мукденѣ.

Китайская желѣзная дорога была въ опасности. Чтобы прогнать боксеровъ изъ этихъ мѣстъ и очистить эту вѣтку желѣзной дороги, къ 11 сентября былъ собранъ въ Инкоу русскій отрядъ въ 11 батальоновъ, 40 пушекъ, двѣ сотни казаковъ и 4 сотни охранной стражи. Командовать этимъ отрядомъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Субботичъ. Въ число этихъ войскъ вошли 13-й и 14-й стрѣлковые полки, только что пріѣхавшіе изъ Одессы. Командовалъ ими полковникъ Артамоновъ, человѣкъ бывалый на войнѣ, учившійся военному дѣлу подъ руководствомъ самого Скобелева, бывшій при штурмѣ Геокъ-Тепе и еще недавно совершившій смѣлый походъ съ абиссинскими войсками въ жаркой странѣ Африкѣ.

Нашимъ стрѣлкамъ предстояло пройти 180 верстъ, преодолѣть трудно проходимыя горы. Днемъ жара была страшная. По ночамъ вѣяло холодкомъ: осень давала себя чувствовать. Кругомъ сколько глазъ хваталъ были поля гаоляна. Онъ уже созрѣлъ и въ стеблях его, вышиною до полутора саженей терялись наши солдаты. Войска пошли тремя отрядами. Слѣва шелъ генералъ Флейшеръ съ восточно сибирскими стрѣлками, по серединѣ полковникъ Артамоновъ съ батальонами желѣзной бригады и справа полковникъ Мищенко съ четырьмя сотнями охранной стражи.

Несмотря на жару и духоту, среди громадныхъ стеблей Гаоляна войска быстро подавались впередъ и вечеромъ Флейшеръ уже овладѣлъ старымъ Ньючуаномъ.

Полковникъ Артамоновъ, оставивъ пѣхоту на привалѣ, взялъ съ собою двѣ конныхъ сотни охранной стражи

.....Онъ уже созрѣлъ и въ стеблях его, вышиною до полутора саженей терялись наши солдаты"...

и выѣхалъ впередъ, чтобы узнать, куда ушли китайцы. Впереди, на аломъ свѣтѣ заката виднѣлся рядъ круглыхъ холмовъ. На холмахъ были выкопаны рвы—и за рвами скрывалось до 14000 китайцевъ. Разсмотрѣвъ мѣсто расположенія противника, полковникъ Артамоновъ вернулся съ докладомъ къ генералу Субботичу.

Рѣшено было взять эту позицію.

12-е сентября войска отдыхали. Тяжелъ былъ первый день похода, нужно было подготовиться къ подвигамъ завтрашняго дня.

На разсвѣтѣ 13-го, войска двинулись опять тремя отрядами къ мѣстечку Анъ-Шань-Дзянъ. Не прошло и часа, какъ влѣво раздались выстрѣлы, сначала рѣдкіе, одиночные, потомъ залпами. Вскорѣ загромыхали и пушечные выстрѣлы. Отрядъ г. Флейшера вступилъ въ бой. Вскорѣ и справа началась стрѣльба—то начали наступленіе сотни полковника Мищенко.

Одесскіе стрѣлки шли въ полномъ порядкѣ. Когда показались холмы, занятые китайцами, артиллерія выѣхала впередъ, стрѣлки разсыпали цѣпи и сквозь гаолянъ, какъ черезъ густой лѣсъ, наступали къ Анъ-Шань-Дзяню.

Въ 9 часовъ утра переднія роты замѣтили движеніе на среднихъ холмахъ. Китайцы переходили вправо и влѣво.

— „Прямо по холмамъ“, раздалась первая для одесскихъ стрѣлковъ боевая команда, —„огонь рѣдкій“...

Застучали трехлинейки, засвистали и завизжали пули и черезъ минуту—пальба прекратилась:—китайцы ушли по краямъ позиціи... Наши батареи выѣхали впередъ, обстрѣляли деревню, но все было тихо—китайцы отступали къ Ляояну. Стрѣлки заночевали подъ открытымъ небомъ и съ разсвѣтомъ тронулись дальше. Впередъ пошелъ полковникъ Мищенко. Въ 9 часовъ утра китайцы охватили его справа и слѣва, но Мищенко бодро отстрѣливался въ обѣ стороны; черезъ полтора часа пришли стрѣлки полковника Артамонова и прогнали китайцевъ.

Бой, однако, продолжался. Китайцы не хотѣли ухо-

дить. Въ 4 часа дня протрубили горнисты предвареніе къ атакѣ и стрѣлковыя цѣпи поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Но китайцы не дождались могучаго русскаго ура и отступили. Наши войска успѣли захватить у нихъ одну скорострѣльную пушку.

Такъ шагъ за шагомъ, сбивая китайцевъ изъ каждаго города или селенія, подавался къ Мукдену отрядъ генерала Субботича. 17 сентября стрѣлки были въ 10 верстахъ отъ города. Здѣсь передніе батальоны, бывшіе подъ начальствомъ полковниковъ Артамонова и Мищенко, заночевали на бивакѣ у дер. Байтапу.

Китайцы были приперты къ послѣднему своему городу. Всѣ города уже были отняты русскими, оставался одинъ Мукденъ. Не было у китанцевъ храбрости и силы держаться въ немъ. Уныніе и страхъ одолѣвали ихъ солдатъ.

На разсвѣтѣ 18-го сентября полковникъ Артамоновъ съ охотниками стрѣлковыхъ батальоновъ и сотней Забайкальскихъ казаковъ выступилъ изъ деревни Байтапу и въ четыре часа дня ворвался въ Мукденъ. Нѣкоторое время по улицамъ еще шла перестрѣлка нашихъ съ китайцами... Но Мукденъ уже былъ занятъ... За полковникомъ Артамоновымъ пришли 6 ротъ Мищенко, а на другой день, 19 сентября, генералъ Субботичъ въѣхалъ въ покоренный городъ.

Черезъ четыре дня отрядъ полковника Мищенко соединился съ сотней есаула Кузнецова, шедшей съ сѣвера изъ отряда генерала Ренненкампфа.

Послѣдній участокъ китайской дороги былъ свободенъ отъ боксеровъ. На немъ сейчасъ же приступили къ работамъ. Войска генерала Субботича остались въ Мукденѣ, для поддержанія порядка на дорогѣ.

Солдаты сняли съ Валевскаго поясъ и шашку, растегнули мундиръ, привесли воды.

XX.

Движеніе партіи Валевскаго.

Въ три мѣсяца русскія войска очистили громадный край отъ боксеровъ, освободили инженеровъ и рабочихъ и возстановили миръ и тишину; тяжелое бѣдствіе, надвигавшееся на передовыхъ русскихъ людей, работавшихъ надъ сооруженіемъ великаго желѣзнаго пути—миновало.

А бѣдствіе это было велико. Маленькіе отряды стражи, рабочихъ, инженеровъ, женщины и дѣти жили по всему пути, не ожидая ничего опаснаго отъ китайцевъ. Когда пришелъ первый приказъ инженера Юговича—собираться къ границамъ и въ Харбинъ—все кинулось туда. Но передвиженіе маленькихъ кучекъ людей, наполовину безоружныхъ, не всегда было благополучно и не всѣ рабочіе и инженеры избѣгли ужасовъ боксерскаго мятежа.

Въ особенно тяжеломъ положеніи оказался маленькій желѣзнодорожный отрядъ, работавшій подлѣ города Мукдена подъ наблюденіемъ инженера Верховскаго.

Здѣсь на небольшой станціи подъ командой поручика Валевскаго находилось 30 солдатъ охранной стражи и 21 вольноопредѣляющійся. Идти къ Харбину, куда звалъ Юговичъ, было невозможно, 5000 китайцевъ окру-

жило отрядъ, вся станція была избита пулями, надо было идти куда-нибудь... Спасаться... Но куда? Впереди, слѣва и сзади были партіи боксеровъ, весь край волновался. Оставалось одно: пробиться по ближайшему направленію къ дружественному Россіи Корейскому государству и тамъ искать защиты. Нашли проводника китайца и ночью, потихоньку, выбрались изъ станціонныхъ бараковъ. Боксеры сейчасъ же окружили маленькій отрядъ, пришлось пробивать дорогу штыками... Появились раненые.

28 іюня пошли въ горы. Дорога была торная, но вилась круто вверхъ. Раненыхъ несли на рукахъ. Жара была страшная. Раскаленные камни горъ увеличивали духоту и люди и лошади изнемогали отъ усталости. Дойдя до вершины горы, отрядъ отдохнулъ немного и сталъ спускаться. Впереди видѣлось ущелье, за нимъ стальною лентой вилась рѣка. Китайскій домикъ, фанза, стоялъ посрединѣ ущелья.

Казаки начали спускаться къ фанзѣ въ надеждѣ найти тамъ воду и кормъ для лошадей. И вотъ, когда весь отрядъ вытянулся по узкому ущелью, неожиданно сверху и съ боковъ раздались выстрѣлы:—китаецъ завелъ въ засаду. Люди не знали, что дѣлать. Боксеровъ не видно, а пули сыплютъ по камнямъ и съ трескомъ лопаются, срывая осколки скалъ. Раненыхъ снесли къ фанзѣ, тамъ же пріютились рабочіе съ дороги, не имѣвшіе оружія. Всѣ растерялись. Боксеры были кругомъ. Поднялась безпорядочная суетливая пальба. И въ ту минуту, когда храбрость стала покидать стражниковъ, раздался спокойный голосъ Валевскаго:

— Головы и патроны беречь... Не стрѣлять, не цѣлясь. Рабочіе! несите раненыхъ къ рѣкѣ!"

Спокойствіе было во всемъ его видѣ и оно передалось людямъ маленькаго отряда; Валевскій стоялъ наверху и распоряжался стрѣлками. Всѣ смотрѣли на него, какъ пѣвцы смотрятъ на управителя хора и бой наладился толковый. Китайцы стали отходить—видно, досталось имъ на орѣхи...

Вечерѣло... Вдругъ пуля ударила во что, то мягкое и поручикъ упалъ, поблѣднѣвъ и обливаясь кровью.

– Ваше благородіе, что съ вами?—спросилъ его одинъ изъ солдатъ.— Но Валевскій не отвѣчалъ, онъ потерялъ сознаніе. Солдатъ снялъ съ него поясъ и шашку, разстегнулъ мундиръ, принесъ воды.

— Револьверъ... пристрѣлить меня... а то возьмутъ... замучатъ... позоръ!... бормоталъ раненый.

— Вы меня оставляете на поруганіе китайцамъ!..—проговорилъ онъ, блѣднѣя, солдату.

— Никогда, ваше благородіе,—воскликнулъ стражникъ,—умремъ вмѣстѣ съ вами, но не отдадимъ китайцамъ!

Смерть наступала... Солнце заходило за горы, перестрѣлка затихала и вмѣстѣ съ нею отлетала къ Богу еще одна душа. Солдаты собрались возлѣ умирающаго начальника, пришелъ унтеръ - офицеръ Бородичъ. Валевскій узналъ его... Онъ досталъ пакетъ съ 200 рублей и проговорилъ, задыхаясь:—„мамѣ!“. Черезъ полчаса его не стало. Совсѣмъ стемнѣло. Боксеры скрылись, пришелъ инженеръ Верховскій и унтеръ-офицеръ Пилипенко. Разгребли придорожные камни, положили между ними тѣло скончавшагося, обложили его большими камнями, а сверху засыпали мелкими камушками и медленно и уныло стали спускаться къ рѣкѣ. Погибъ начальникъ отряда, погибла душа его и отрядъ началъ распадаться. Одни хотѣли продолжать идти по пути, указанному Валевскимъ, инженеръ Верховскій доказывалъ, что надо идти назадъ на Инкоу, къ морю, гдѣ навѣрно есть русскія суда.

Подъ утро раздѣлились. Верховскій съ нѣсколькими стрѣлками и рабочими пошелъ опять въ горы, остальные тронулись по тропинкѣ. Это былъ ужасный путь. Не было ни ѣды, ни питья, объ отдыхѣ почью нечего было и думать: кругомъ были боксеры. Патроновъ не было и на выстрѣлы китайцевъ маленькая партія даже не отвѣчала, и продолжала идти. И только, когда боксеры подступали ближе,—кидались въ штыки и отгоняли ихъ. Не прохо-

дило дня чтобы не было убитыхъ. Изъ партіи въ 50 человѣкъ 14 человѣкъ было потеряно. Наконецъ, въ одной деревушкѣ нашли проводника. Это былъ корейскій фельдшеръ. За горсть монетъ, нашедшихся въ карманѣ одного изъ служащихъ, онъ взялся провести отрядъ въ Корею.

Проводникъ оказался честный. Несмотря на то, что ему боксеры прострѣлили картечью шаровары и халатъ— онъ не бросилъ партіи. 8-го іюля голодные и оборванные стражники и рабочіе добрались до рѣки Ялу, пограничной съ Кореей. Переправившись черезъ нее, партія пришла въ городъ Ань-Дунъ-Сянъ и здѣсь радушно была принята корейцами. Дали знать въ столицу Кореи Сеулъ— русскому посланнику и впервые послѣ двухнедѣльныхъ страданій и испытаній партія Валевскаго вздохнула спокойно. Она была спасена.

О людяхъ, пошедшихъ съ инженеромъ Верховскимъ, и о немъ самомъ свѣдѣній пока нѣтъ.

Если бы наши храбрыя войска не подоспѣли такъ скоро на желѣзную дорогу, не одному отряду Валевскаго пришлось бы такъ сильно пострадать, перенести столько лишеній и потерять столько жизней. Вся желѣзная дорога съ сотнями инженеровъ, тысячами рабочихъ и стражниковъ могла быть уничтожена. Погибъ бы трудъ долгихъ лѣтъ, ободрились бы китайцы въ сознаніи, что они могутъ разрушить русское дѣло!

Но смѣлые поиски нашихъ войскъ, быстрая рѣшимость Государя подавить мятежъ въ началѣ, быстрота и смѣлость генераловъ Ренненкампфа, Субботича, Сахарова, Гродекова и Орлова выручили нашу дорогу, не давъ разгуляться на ней дикому задору зазнавшихся китайцевъ!

И она была занята нашими войсками почти не разрушенная и Богъ дастъ скоро по ней начнется движеніе и дорога эта будетъ вѣчнымъ памятникомъ беззавѣтной удали русскихъ стрѣлковъ, забайкальскихъ и амурскихъ казаковъ!

Военный министръ А. Н. Куропаткинъ.

XXI.

Заключеніе.

Когда дошли въ Россію вѣсти о неистовствахъ боксеровъ, о тяжеломъ положеніи посланниковъ и объ опасности для желѣзнодорожнаго пути, нашъ Царь не объявилъ войну Китаю. Ему было жаль Китая, какъ жаль бываетъ младшаго брата не въ мѣру расшалившагося и надѣлавшаго глупостей. По безконечному милосердію своему Царь заранѣе простилъ струсившаго и не бывшаго въ состояніи управиться съ боксерами богдыхана Гуанъ-Сю и помиловалъ китайцевъ—потому что Богъ лишилъ ихъ разума и „не вѣдали они, что творили“!

Нашимъ войскамъ, введеннымъ въ Печелійскій округъ и въ Манчжурію, было приказано не воевать съ Китайскимъ государствомъ, но лишь усмирять боксеровъ, спасти посланниковъ и выручить нашъ рельсовый путь.

1-го августа Пекинъ былъ взятъ и посланники освобождены, къ концу сентября возстановились работы на

желѣзной дорогѣ, — шайки боксеровъ были изгнаны изъ Манчжуріи.

Нѣмцы и англичане мстили китайцамъ за ихъ невѣжество. Они казнили китайскихъ генераловъ и совѣтниковъ богдыхана — мандариновъ, войска ихъ грабили богатства Китая, разоряли Императорскій дворецъ, врывались въ лавки купцовъ, убивали беззащитныхъ людей и отнимали ихъ товары и имущество... Но могли ли это дѣлать русскіе?! Месть не христіанское чувство. Христосъ училъ насъ прощать обидѣвшимъ насъ. Мы своихъ спасли. Если у насъ были потери убитыми и ранеными, то у китайцевъ ихъ было въ десять разъ больше. За каждаго русскаго легло десять, двадцать китайцевъ. Грабить неприлично солдату. Завѣтъ солдатскій говоритъ—„обывателя не обижай! онъ насъ поитъ и кормитъ! Солдатъ не разбойникъ!“... Русскія войска свято исполнили приказъ Государя—больше нечего было имъ дѣлать и 12-го августа нашъ Царь приказалъ уводить войска изъ Пекина. 20-го сентября послѣдовалъ приказъ Государя сократить войска въ Манчжуріи и Китаѣ. Запасные казаки (третья очередь) были отпущены. Сотрудники генерала Орлова, лихая Забайкальская казачья пѣшая бригада, свято исполнившая свой долгъ и совершившая такіе переходы, что про нее сказали: „пѣшій забайкалецъ конному товарищъ“, разошлась по домамъ. Запасные, призванные на далекомъ востокѣ, были отпущены, а съ первыхъ чиселъ ноября начали грузиться въ Таку, Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ стрѣлки, пріѣхавшіе изъ Россіи. Государь желалъ, чтобы къ праздникамъ Рождества Христова герои-побѣдители были бы у себя дома.

13-го декабря головныя части войскъ, сражавшихся въ Китаѣ за честь и славу Россіи, стали прибывать домой. Отъ имени Государя ихъ встрѣтилъ въ черноморскомъ городѣ Ѳеодосіи военный министръ генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ и поздравилъ ихъ съ благополучнымъ прибытіемъ.

За ними плыли на пароходахъ и другіе полки Одесской желѣзной бригады. Походъ въ Китай былъ конченъ. Правда, по городамъ и станціямъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи еще стояли наши полки, но воевать имъ уже не приходилось.

Чтобы скрасить праздники для этихъ тружениковъ за общее дѣло, Мать Государя Императора Императрица Марія Ѳеодоровна послала имъ цѣлый пароходъ подарковъ „на елку". Тутъ были и теплые полушубки, и рукавицы, и варежки, и валенки, и башлыки, и табакъ, и трубки, и мыло, и гребенки, и сласти—все, чѣмъ можно было порадовать и утѣшить солдата въ чужедальней сторонѣ. И все это было отъ Матушки-Царицы, а потому имѣло особую цѣну. Изъ рода въ родъ будутъ передавать солдаты, воевавшіе въ Китаѣ, подарки Матери Царя—Государыни Маріи Ѳеодоровны...

Столкновеніе съ Китаемъ было кончено. Посланники вели переговоры съ богдыханомъ, войска расходились. Убытки и поврежденія городамъ и селамъ отъ пожаровъ и разоренія были исправлены. Мертвые зарыты, раненые залѣчены... Все забылось.

Не забудется никогда только слава русская. Послѣ столѣтняго перерыва, послѣ славныхъ дней Отечественной войны, когда наши солдаты воевали бокъ о бокъ съ нѣмцами и австрійцами противъ французовъ, снова пришлось намъ стать примѣромъ для европейскихъ солдатъ.

Самое начало успѣховъ въ Китаѣ, — первый починъ, сдѣланъ русскими. Таку взяли русскіе корабли, русскій морякъ капитанъ Добровольскій, русскій стрѣлокъ поручикъ Станкевичъ. Выручилъ англичанъ изъ бѣды и спасъ Тянь-Цзинь русскій отрядъ полковника Анисимова и русскій же генералъ Линевичъ освободилъ посланниковъ и взялъ Пекинъ.

По храбрости и быстротѣ движеній одни японцы могли равняться съ русскими. Нѣмцы и англичане всегда отставали. Русскихъ всѣ полюбили, даже враги - китайцы

и тѣ любили насъ. За то любили, что русскіе зря не убивали, безоружныхъ не трогали и не грабили. Когда у Тянь-Цзиня, гдѣ наши дрались бокъ о бокъ съ нѣмцами, одинъ нѣмецкій солдатъ попалъ случайно между русскими стрѣлками, онъ страшно гордился этой честью—сражаться среди русскихъ.

Война едва началась, а уже нѣмцы стали писать:—война, дескать, будетъ безъ конца. Китайцевъ 400 милліоновъ, они вооружены нѣмецкими пушками и ружьями, обучены нѣмецкими офицерами, съ ними не скоро справишься. Пекинъ раньше какъ черезъ годъ взять нельзя и то нужно много, очень много войска. Не спѣша посылали они своего главнокомандующаго фельдмаршала Вальдерзее и поручили ему взять Пекинъ и прославить нѣмецкое имя.

Они разсуждали тяжело, по-нѣмецки. Они забыли, что тамъ уже сражаются русскія войска, командуютъ русскіе генералы. А русское военное дѣло идетъ по завѣту Суворова:—у насъ „три воинскія искусства:—первое—глазомѣръ, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить. Второе—быстрота, третье—натискъ".

Нѣмцы учили китайцевъ по-своему—вся сила, дескать, въ ружьѣ. Палѝ да палѝ, хоть и не цѣлься, да палѝ.

Наши солдаты знали силу своей трехлинейной винтовки, которая получала теперь свое первое боевое крещеніе, но помнили они и завѣтъ Суворова: — „нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ! въ пальбѣ много людей гибнетъ! у непріятеля тѣ же руки! да русскаго штыка не знаетъ! вытяни линію, тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ! Коли пѣхота въ штыки, конница тутъ и есть. Казаки вездѣ пролѣзутъ!"

Не одну крѣпость одолѣли въ этотъ походъ наши войска. И одолѣли ихъ такъ, какъ училъ Суворовъ:—„ломи черезъ засѣкъ, бросай плетни черезъ волчьи ямы, быстро бѣги, прыгай черезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы, стрѣлки очищай ко-

лонны, стрѣляй по головамъ! Караулъ къ пороховымъ погребамъ! отворяй ворота конницѣ! непріятель бѣжитъ въ городъ! его пушки обороти по немъ. Стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо! Не досугъ за этимъ ходить! приказъ: спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля въ улицахъ! конница руби! въ дома не ходи, бей на площадяхъ, штурмуй, гдѣ непріятель засѣлъ, занимай площадь! Непріятель сдался. Пощада!"

Такъ сто лѣтъ тому назадъ училъ Суворовъ и такъ дѣйствовали наши полки и взяли въ два мѣсяца то, что нѣмцы и англичане считали невозможнымъ взять.

Нашимъ самъ Богъ помогъ. Наше дѣло было правое — защита обиженныхъ, выручка угнетаемыхъ,—такая война святая. Въ такой войнѣ Богъ водитъ солдатъ и Ангелы Его святые защищаютъ отъ вражескихъ пуль...

Китайцы получили отъ насъ тяжелый урокъ, но во всѣхъ дѣлахъ Россіи они увидѣли, что урокъ урокомъ,— а добрыя сосѣдскія отношенія остаются по-старому. Царь наказалъ богдыхана, Царь и помиловалъ...

И добрая слава пошла про русскихъ по всему Китаю, по всей Азіи.

А добрая слава—дорога, она дороже денегъ, дороже тѣхъ богатствъ, грабежемъ которыхъ опозорили себя нѣмцы и англичане.

Такъ въ 1900 году—воевали русскіе съ Китаемъ!...

18 декабря 1900 года.
С.-Петербургъ.

П. Красновъ.

2007050562